



Кифа

«И сами, как живые
камни, устройте
из себя дом духовный»

В газете использованы
материалы сайтов sfi.ru и psmb.ru
Статьи публикуются на сайте gazetakifa.ru

12 (182) 12+
октябрь 2014

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

Одобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви

С. 2 Наши итальянские «каникулы»

Ежегодная конференция в монастыре Бозе в этом году была посвящена теме «Блаженны миротворцы...» Своими впечатлениями с читателями «Кифы» делится один из докладчиков, выпускница СФИ Наталия Игнатович. Её доклад был посвящен опыту братства Н.Н. Неплюева

С. 3,4 Он говорил правду

9 сентября в Москве открылась выставка, посвященная жизни и свидетельству отца Павла Адельгейма. За месяц до этого, в августе, в дни памяти о. Павла, выставка начала свою работу в Пскове. Теперь она будет путешествовать по разным городам России

С. 6 И континенты нуждаются в островах

24 сентября исполнилось 25 лет со дня священнической хиротонии духовного попечителя Преображенского братства о. Георгия Кочеткова. Своими размышлениями о служении юбиляра делятся прот. Василе Михок, Сергей Юрский, Жорж Нива и Ольга Седакова

Открытая встреча

На страницах нашего приложения мы вспоминаем английского писателя Грэма Грина и его героев, в борьбе с собой и своей греховностью пытающихся найти путь к вере и любви, и «ночное светило русской поэзии» М.Ю. Лермонтова, чье творчество являло собой «бесконечное раздвоение, колебание воли, смешение добра и зла, света и тьмы»

Где искать пути возрождения человека и общества



Добродетель благотворительности.
Мозаика в куполе собора Святого Марка (Венеция), XII в.

Преображенское братство проводит конференцию «Люди свободного действия»

Бывают эпохи, когда особую ценность имеют свободная мысль и свободное слово.

В течение минувшего века в нашей стране из поколения в поколение в людях уничтожалась способность отвечать и за себя, и за тех, кто рядом. Человек постепенно «обесчеловечивался», так что, скажем, многие атеисты начала XX века были, по словам С.С. Аверинцева, большими христианами, чем нынешние неопиты... Те изменения, которые постепенно накапливались в обществе, философ Мераб Мамардашвили назвал «антропологической катастрофой». В результате ныне продолжает воспроизводиться особый тип человека, не доверяющего себе и другим, заражённого патерналистским сознанием, не преодолевшего многочисленные страхи и комплексы, лишённого инициативы, ответственности и способности самостоятельно и свободно мыслить и действовать, не умеющего и не желающего что-то делать вместе, сообща.

В то же время в постсоветском обществе появляются люди, которые всё чаще переходят от жизни для себя и своих к поиску более высоких ценностей и целей, жертвуют ради ближних личным удобством и комфортом, готовы выйти за границы собственного «я», чтобы понять и услышать другого, обрести возможность

совместного делания. Именно таких людей можно назвать «людьми свободного действия». Наше время прощает людей на способность к свободному действию, то есть действию, не обусловленному внешней необходимостью, но идущему от внутренней потребности человеческого духа.

Наше время уникально также тем, что потребность в свободном действии собирает людей в добровольные общности, внутри которых рождаются новые способы единения людей, новые способы сохранения свободы и любви, которые только и могут стать базисом для созидания народа.

Именно поэтому Преображенское братство собирает конференцию «Люди свободного действия», участниками которой станут представители разнообразных движений и организаций, сложившихся на добровольной основе, направленных на утверждение ценности другого человека, в том числе через каритативную деятельность, восстановление исторической памяти, сохранение культурных ценностей, создание условий для качественного образования.

По материалам анонса конференции
Окончание на с. 8

«Сегодня быть священником труднее»

24 сентября исполняется 25 лет со дня пресвитерской хиротонии священника Георгия Кочеткова, духовного попечителя Преображенского братства. В интервью, приуроченном к этой дате, отец Георгий размышляет о том, как за эти двадцать пять лет в обществе изменилось отношение к священникам, как сами священники стали смотреть на свои задачи в отношении общества, как бороться с унынием и о многом другом

Вы уже 25 лет служите священником. Что это значит – быть священником в современном мире? Какие это накладывает обязательства? Удалось ли Вам лично достичь того, о чём Вы думали и мечтали перед рукоположением?

Я благодарю Бога за то, что вот уже двадцать пять лет в пресвитерском сане стараюсь служить по совести Господу Богу и Христовой Церкви. Конечно, не мне судить о результатах, о плодах – это должны делать другие.

Наблюдая, прежде всего, за лучшими, выдающимися священниками, которых мне приходилось встречать в жизни, я понял, что священник в наше время для большинства людей – фигура двоякая. С одной стороны, многие считают его фигурой маргинальной, от которой мало что зависит. Они уверены, что он не самостоятелен и находится в рабском послушании у начальства, не может высказывать свою точку зрения, не может вести себя свободно, не может прямо слушаться Бога и т. п. И нельзя

сказать, что этого совсем уж в жизни священников нет, но нельзя же сказать, что их жизнь и служение описывается только таким образом. Вторая сторона окрашена совсем по-другому. У каждого священника есть ощущение и опыт того, что именно он представляет Церковь, что по нему судят о том, что такое христианство, Кто такой Христос, в чём правда Божья. Предполагается – часто даже несколько, может быть, суеверно, – что священник должен всё знать, иметь возможность ответить на любой вопрос, должен быть чутким, внимательным, любвеобильным, глубоко верующим и т. д.

И вот, в обществе существует такое раздвоение оценок и мнений: или полная дискредитация, или утверждение сверх меры по существу положительный свойство каждого священника. И если священник в чём-то проваливается, у людей может начаться кризис веры.

Фото Максима Соболева

Окончание на с. 6-7

«Европеец» и «Москвитянин»

Так назывались журналы, которые в разное время издавал И.В. Киреевский. Славянофильский кружок распался 150 лет назад, но мысли и труды славянофилов продолжают занимать нас и сегодня

Иван Васильевич Киреевский – один из первых русских философов, современник Пушкина, Баратынского, Языкова, вместе со своим другом и единомышленником А.С. Хомяковым стоял у истоков славянофильского движения.

Отец

«Род Киреевских принадлежал к числу самых старинных и значительных родов Белевских и Козельских дворян. Одно из поместий, принадлежавших роду, было село Долбино – в 7 км от г. Белева – где прошли первые годы Ивана Васильевича. Его отец, Василий Иванович, собрал прекрасную библиотеку, владел пятью иностранными языками, в молодости много переводил, сам печатал романы и другие литературные произведения того времени, но по преимуществу он занимался естественными науками, физикой, химией и медициной; охотно и много работал в своей лаборатории; с успехом лечил всех, требовавших его помощи. Он служил в гвардии и вышел в отставку секунд-майором; в 1805 году женился на Авдотье Петровне Юшковой. В 1812 году перевёз всю свою семью в Орёл. Здесь и в Орловской деревне своей (Киреевской Слободке), в 3 верстах от Орла, он дал приют многим семействам, бежавшим из Минска, Смоленска, Вязьмы и Дорогобужа; взял на себя лечение, содержание и продовольствие 90 человек раненых русских, с христианским самоотвержением ухаживал за больными, брошенными французами, – и на подвиге

христианского сердоболы, заразившись тифозною горячкою, скончался в Орле 1 ноября 1812 года.

И.В. Киреевский

После него остались два сына – Иван (родился в Москве 1806 года 22 Марта) и Пётр (родился в Долбине 1808 года 11 Февраля), и ещё дочь Мария (род. 1811 года 8 Августа), на руках своей матери, овдовевшей на 23-м году жизни»¹.

Всего несколько строчек из биографии человека, но какие вопросы такая жизнь поднимает! Кто такой состоявшийся человек? Какова иерархия ценностей в жизни? Никакая забота о благополучии детей и семьи не остановила Василия Ивановича от выполнения христианского и человеческого долга! Как многие сейчас стыдятся прийти на деловую встречу в одежде не того бренда или подбегать на недостаточно дорогой машине. Иван Васильевич Киреевский, которому посвящена эта статья, сын Василия Ивановича, в своей статье «XIX век» (1832 г.), пытаясь определить сменяющиеся тенденции европейской культуры, писал: «Общество, униженное до простонародности, старалось возвыситься блеском внешнего великолепия и пышности»².

Окончание на с. 5

Конференции и встречи

Наши итальянские «каникулы»

Рассказ о XXII международной конференции «Блаженны миротворцы...» в монастыре Бозе

Хмурая дождливая Москва. Аэропорт. Встреча с братом Алексеем Наумовым. Помолились. Посадка. Три с половиной часа в небе и встреча в аэропорту с дьяконом Павлом Строчковым из Воронежа, а также аклийцами Пьеро и его супругой. Оказывается, этим летом погода в Италии была на редкость дождливая, но на время конференции установилась приятная тёплая погода. По дороге в монастырь Бозе заехали выпить кофе в кафе на берегу озера в небольшом итальянском городке Вивироне. Небольшие одно- и двухэтажные домики, старинные романские храмы, мягкий климат, по-европейски приветливые итальянцы – всё это сразу создаёт ощущение красоты и комфорта. Отдохнув и побродив по окрестностям, садимся в машину и едем в монастырь Бозе, что в местечке Маньяно в горной местности.

На входе в монастырь – секретариат, где мы встречаемся с братьями – монахами Бозе. Поскольку у меня будет доклад, я живу непосредственно в Бозе, а Алексей и дьякон Павел смогут попасть в свои апартаменты только вечером, когда будет автобус. Каждый день их отвозят в расположенный в 30 километрах монастырь, поскольку всем участникам конференции, а их более 200 человек, места в монастыре не хватает. Из-за разности в проживании у нас не остаётся времени на вечернее общение, общую молитву и обмен впечатлениями. Однако это не мешает нам всё время чувствовать братское общение и поддержку друг друга. Итак, день первый подходит к вечеру, мы размещаемся и осваиваемся.

Конференция с такой насыщенной именно сегодня темой «Блаженны миротворцы...» начинается вступительным словом приора монастыря Энцо Бьянки: «Церковь должна быть школой мира для всех. ... Дуют бурные ветра, но мы не должны быть маловеерами. Так было во времена Христа. Он – наша сила и наш мир. Он разрушил преграды между Израилем и всем остальным миром. Он разрушит преграды между церквями и народами. Будем слушать друг друга, будем упражняться в любви друг к другу. Будем и сами миротворцами, “ибо они будут наречены сынами Божиими”». После зачитанных посланий патриарха Варфоломея и патриарха Кирилла начинаются выступления докладчиков.

Первым представляет доклад Аристотель Папаниколау из Нью-Йорка. Говорит о том, что обожение – это способность любить Бога и ближнего. Однако есть то, что препятствует любви, прежде всего это клевета и насилие, при этом неважно, происходит это с вами или вашими ближними. Приводит пример ветеранов вьетнамской войны: они подвержены страхам, недоверию и самоизоляции. Война – это отмена добродетелей, поэтому они не обсуждают с кем-либо своё прошлое, боясь, что их будут считать недостойными любви. Необходимо противопоставить опыту зла и насилия опыт любви и милосердия. Любовь не может отменить опыт насилия, но она не позволяет всё свести только к нему. Это был интересный по форме доклад, хотя и оставивший после себя привкус психологизма вместо христианского взгляда. Тем не менее он пробудил множество вопросов, один из которых звучал не только в этот день: могут ли христиане иметь или применять оружие?

Вторым докладывает филолог и библиист Михаил Селезнёв. Псалмы иногда поражают словами ненависти и проклятий. Мы часто повторяем их, они являются основой нашего богослужения. Что делают эти строки в Новом завете? В России эта тема не так актуализирована, поскольку Псалтирь читается в церковнославянском переводе. Это не так цепляет сознание, даже если слова понятны. В православии существует традиция аллегорической экзегезы, но есть и исторический контекст появления этих строк псалмов. Насилие сплавивает общество, являясь конституирующим элементом падшего мира. Сегодня мы живём в относительно благополучном мире, но окажись мы в другой ситуации, сможем ли мы говорить словами Нагорной проповеди или будем говорить словами псалмов? Возможно, нам стоит перестать притворяться, будто у нас нет таких слов, выговорить этими словами и стать доступными преображению?

Христос Караколис из Афин проанализировал два понимания мира в новозаветную эпоху: «шалом» и «пакс романа». Ветхозаветный «шалом» есть знак благоволения Божьего, но достигался он путём войны и насилия. В I веке многие иудеи думали установить такой мир через восстание против римлян. Соответственно, когда в Иисусе многие видят Мессию, первосвященник Каиафа боится, что Его объявят военным вождём и начнётся священная война против римлян. С его точки зрения, война против римлян обречена, поэтому надо послать Иисуса на смерть, чтобы спасти народ. Так Каиафа опирается на человеческий мир и отказывается от мира Божьего. Каиафа, синедрион и Пилат закрывают глаза на присутствие Бога в этом мире и поддерживают безбожный «пакс романа». Таким образом, «шалом» и «пакс романа» сходятся вместе в отрицании Христа. Конечной победой Христа и Его интронизацией является Крест. До Креста мир невозможен. Последним словом Христа становится Его Воскресение. Он победил мир и даровал мир всем Своим ученикам на все времена. Его мир иного рода: «мир Мой даю вам...»

Из других интересных выступлений в эти четыре дня: доклад о. Иоанна Бэра, декана Свято-Владимирской семинарии, о созидании мира между христианскими общинами в Риме в деятельности св. Ирины Лионского и доклад сестры Магдалены из Эссекского монастыря о любви к врагам в духовном наследии прп. Силуана Афонского.

Завершающий доклад в субботу митр. Каллиста (Уэра) о блаженстве миротворцев. Мир не пассивен, это активная творческая сила. Он не приходит сам по себе, к нему надо стремиться и искать его. Мир – это не программа, а живая личность Христа. Он есть мир наш. Слова в конце литургии «с миром изыдем» не означают, что теперь мы можем пойти и попить кофе. Христос дал Себя нам, теперь мы должны идти и подарить себя другим. Евхаристия делает нас дьяконами мира. Мученица мать Мария (Скобцова) подчеркивала, что путь к Богу лежит через других людей. На Страшном суде Бог не спросит нас, сколько поклонов мы делали, но спросит, накормили ли мы голодных, посетили ли больных...

Свой доклад о миротворчестве в деятельности Николая Неплюева я представила в пятницу утром. Буквально накануне, увидев собрание, в котором мне предстояло рассказать об этом удивительном человеке, я поняла, что написанный заранее доклад не годится. За ночь переписала текст, добавив немного хлопот переводчикам. Суть моего выступления сводилась к следующему. Миротворчество Неплюев понимал в нескольких смыслах: как примирение людей с Богом, ради чего и воплотился Христос, как примирение человека с другим человеком и со всем творением. Примирение с Богом ведёт к вере воплощённой и желанию единения с другими христианами в общины и братства. Жизнь братства, отношение к природе и труду было следствием христианских отношений. В конце жизни, понимая, что страна гигантскими шагами движется в сторону рево-



Протоиерей Иоанн Бэр, декан Свято-Владимирской семинарии (Нью-Йорк), и Алексей Наумов, президент КПЦ «Преображение», в монастыре Бозе, Италия



Вид монастыря Бозе

люционной катастрофы, он пытался объединить людей: светских – в «Партию мирного прогресса» и верующих во «Всероссийское братство». Но это дело не удалось довести до конца: в 1908 году Неплюев скончался. Сегодня этот опыт может вдохновлять и нас исполнять завет Христа быть миротворцами. Разобщённости и розни мира сего можно противопоставить христианскую любовь и общение, единство духа в союзе мира в общинах и братствах.

Радушно было видеть живой интерес к личности Николая Неплюева, и на конференции, и в кулуарах ко мне многие подходили, благодарили за доклад и задавали вопросы. Многие удивлялись, что не слышали раньше этого имени. Дай Бог, чтобы память о нашем прошлом восстанавливалась и тем самым исцелялись бы раны разрыва с теми, кто жил до нас и о ком мы, к стыду и сожалению, не знаем. К слову, на несколько аспектов отношения к памяти в Италии мы обратили отдельное внимание. В субботу после окончания конференции мы с Алексеем и дьяконом Павлом пошли прогуляться в деревню Маньяно. На одном из домов висела табличка с именами погибших в Первую и Вторую мировые войны. Это – память. В Маньяно есть небольшое кладбище, на которое мы также забрели. В Европе захоронения не плоскостные, как в России, а вертикальные – как ящики в тумбе. В одном из фамильных склепов отсчёт начинался с 1528 года, заканчиваясь началом XX века. Знать всех своих предков вплоть до XVI века – невысказанная «роскошь» для российского человека.

Конференция запомнилась невероятно насыщенным общением. Общались все и со всеми, даже если не было единого языка, на котором можно было общаться. Всё равно все друг друга понимали. Запомнилась строгая и подтянутая регулярная молитва в бозийской часовне, на которую никто из монахов никогда не опаздывал и не пропускал. Конституирующая роль молитвы была, может быть, не так заметна, но без неё, наверное, такого общения могло бы не получиться. Приковывает внимание сосредоточенность бозийцев на общении с тем человеком, который стоит перед ними. Этому тоже стоит у них учиться. И ещё понимаешь – надо учить языки. Итальянский язык показался мне достаточно простым для изучения, мелодичным и экспрессивным.

Уроки итальянского продолжались в воскресенье. За нами приехали Антонио и Джорджио из АКЛИ. Трудность была в том, что Антонио разговаривал «уно итальяно», я – «уно руссо», а Джорджио – «бэд англиш». Алексей и дьякон Павел могли изъясняться на английском, но это не всегда помогало. Периодически Антонио вскидывал глаза к небу и вскрикивал: «О, Синьоре!» или «О, Мадонна!» За полдня мы побывали в Арозио и Канту, осмотрели романские храмы и базилики. В одном из баптистериев нас поджидала неожиданность: красивый, как все итальянцы, мужчина не менее красиво играл на скрипке. Интересно, у них такое часто встречается?

Вечер. Аэропорт. Регистрация. В багаж можно сдать хоть все свои вещи без ограничений и доплат. Все три места мы получили рядом – тоже без доплат. Посадка. Помолились. Три с половиной часа в небе. Приземлились легко, как будто нас на крыльях нёс ангел. Наверное, о нас кто-то молился. «Арриведерчи, Италия!» На самом деле мы не прощаемся, потому что никакая Встреча не уходит бесследно в прошлое. Все, кого мы по-настоящему встретили, останутся навсегда с нами в нашей памяти и молитве. Возможно, именно так создается христианское общение и единство поверх всех конфессиональных и иных разделений.

Наталья Игнатович, преподаватель СФИ, магистр богословия

Издание Преображенского сдружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издаётся с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org;

в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва: +7-964-534-64-55 (Александра Ошарина), +7-965-146-14-56 (Анна Гринман), +7-965-128-15-07 (Марина Чиркова) Санкт-Петербург: +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137 (София Кудряцева)

Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391 (Татьяна Благодарева)

Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042, (Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 29 сентября 2014 г.

Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 30 сентября 2014 г.

gazetakifa.ru

Новости Свято-Филаретовского института

Преподаватели и студенты СФИ побывали в святом Эчмиадзине

12 сентября преподаватели и студенты Свято-Филаретовского православного-христианского института и члены Преображенского братства побывали в святом Эчмиадзине.

Группу во главе с ректором священником Георгием Кочетковым принял председатель Отдела внешних церковных связей Армянской апостольской церкви архиепископ Натан (Ованнисян).

«Я очень рад видеть здесь ректора, проректоров, профессоров и студентов вашего института, – сказал владыка Натан. – Мы всегда рады, когда наши братья и сестры христиане, близкие родственные души приезжают в святой Эчмиадзин».

Архиепископ Натан рассказал паломникам о церковной жизни в современной Армении и ответил на их вопросы. Отец Георгий рассказал об истории и деятельности Преображенского братства и Свято-Филаретовского института.

Также паломники встретились с директором музеев и архивов Эчмиадзина иереем Асохином Карапетяном и посетили музей Первопрестольного города.

Посещение Эчмиадзина – часть паломничества представителей института и братства в Армению. Один из участников паломничества Андрей Васенёв кратко поделился с «Кифой» своими впечатлениями:

«Армения удивляет. С одной стороны, это страна, в которой произошел геноцид, открывший дорогу кровавому XX веку. Народ был выкорчеван. Поставлен на грань уничтожения. И это не прошло бесследно. Воспоминание об этом, внимание к этой теме было важным моментом нашего паломничества. С другой стороны, Армения – это страна с древней христианской традицией, многое сохранившей, о многом теперь рассказывающей и свидетельствующей. Конечно, это свидетельство не безоблачно. Например, в святом Эчмиадзине над входом есть изображение двух человек, которые протягивают друг другу руки, а между ними крест. Это царь Трдат и Григорий Просветитель. История их отношений тоже весьма любопытна и закончилась она таким рукопожатием церкви и государства. Эти отношения сложились раньше Константиновского эдикта. И это создает определенную специфику армянской церкви сегодня.

Рядом с домом, где мы жили, стоит храм Зоравор Аствацацин, что в нашей традиции звучит как «Богоматерь Воевода». Там мы познакомились с Ашотом. Он сам проявил любопытство и настойчиво рекомендовал нам спуститься в крипту к мощам святого Анании. Слово за слово, и он рассказал о том, что в храм ходит с детства – так воспитан. Что в Ереване эта церквушка никогда не закрывалась, и он ходил в неё даже в советское время. Что ни партийного билета, ни военной присяги он не предавал и верность хранит до сих пор – так воспитан. При этом прихожанином себя не считает. «Я ведь не фанат», – сказал Ашот.

Так что много ярких впечатлений оставила нам Армения. Там много живых лиц и ясных глаз. Но тайна человека, антропологический вызов, там чувствуется, может быть, не менее остро, чем дома».

По материалам Информационной службы СФИ

Он говорил правду

9 сентября в Москве открылась выставка, посвящённая отцу Павлу Адельгейму



Открытие выставки

Имя отца Павла не нуждается в представлении: в церкви он давно известен как один из исповедников веры, негибнущий борец за правду. А в обществе об отце Павле слышали абсолютно все после его убийства год назад. Тогда, кажется, вся страна вздрогнула от произошедшего: 75-летний пастырь, родившийся в сталинской ссылке и выживший в советском лагере, еще с 1960-х годов постоянно принимавший людей со всей страны, был убит у себя дома как раз одним из таких гостей.

Однако об убийстве на открытии выставки почти не вспоминали – и не только потому, что верующие помнят непреложные библейские слова «у Бога все живы». Жизнь отца Павла была настолько насыщенной смыслом и глубиной, что хотелось как можно больше вспоминать его – живого, честного и очень доброго человека. Не случайно один из гостей вечера, известный французский учёный-славист Жорж Нива, сказал, что главное в отце Павле – даже не его замечательные размышления, а он сам, его жизнь.

Окончание на с. 4



Группу паломников во главе с ректором СФИ священником Георгием Кочетковым принял председатель Отдела внешних церковных связей Армянской апостольской церкви архиепископ Натан (Ованнисян)

Памяти профессора Дмитрия Владимировича Поспеловского



12 сентября в местечке Маунт Хоуп (Канада) на 80-м году жизни скончался профессор Дмитрий Владимирович Поспеловский. В нашей стране всякий, кто так или иначе занимался историей Русской церкви в XX веке, это имя знает.

Д.В. Поспеловский, правнук великого православного педагога К.Д. Ушинского, родился в 1935 году на территории Польской республики (ныне Ровенская область Украины). В 1944 году его семья эвакуировалась на Запад и после 1945 года обосновалась в Западной Германии. В 1950-е годы Поспеловские, как и многие другие эмигранты второй волны, отправляются за океан. Дмитрий Владимирович в Канаде окончил среднюю школу, университет, получил учёную степень магистра. В 1967 году в Великобритании защитил докторскую диссертацию. Несмотря на такую широкую географию своего жизненного пути, своей родиной он всегда считал только

Россию. Это объясняет многие факты биографии и сферы его интересов. Так, например, в 1953 году в Германии Дмитрий Владимирович становится членом Народно-Трудового Союза. Он работал на радиостанции «Свободная Россия», вещание которой было направлено на территорию СССР. В 1960-е и в начале 1970-х гг. он был сотрудником радиостанций «БиБиСи» и «Свобода».

В 1972–1997 гг. профессор Поспеловский преподавал русскую историю в университете Западного Онтарио (Канада). Именно в этот период времени Дмитрий Владимирович активно занимался историей православной церкви в России в XX веке. Вместе с тем он был одним из основателей и активным членом прихода Преображения Господа Иисуса Христа (провинция Онтарио, Канада).

Впервые Д.В. Поспеловский смог приехать в Россию в 1988 году в составе американской делегации на юбилейный церковный собор, посвященный 1000-летию крещения Руси. После тех изменений, которые произошли в тогда ещё советской России, он получил наконец возможность лично участвовать в трудах по возрождению церковной жизни, духовной школы и просвещения. Он преподавал церковную историю в различных православных учебных заведениях – ББИ им. св. ап. Андрея, православном университете св. ап. Иоанна Богослова, духовных семинариях Смоленска и Минска. В декабре 2001 года он по приглашению настоятеля храма Сретения

в Заостровье (Архангельск) свящ. Иоанна Привалова приехал в Заостровье и работал с архивом Сретенского прихода, результатом чего стала книга-летопись, посвящённая скорбной истории этого храма, служивших в нём клириков и мирян.

Д.В. Поспеловский написал несколько десятков монографий, учебников и статей, главным образом посвящённых истории православной церкви в России, в СССР и русском зарубежье. Последней большой работой Д.В. Поспеловского стала монография «Тоталитаризм и вероисповедание». В ней он исследовал болезненную и, к сожалению, злободневную проблему проникновения в жизнь церкви коллективистско-тоталитаристских моделей, заимствованных у тоталитарных государственных систем.

Однако самой известной его работой остается монография «Русская Православная Церковь в XX веке», которая вышла в свет в 1995 году и стала, по сути, первым опытом объективного академического описания истории православной церкви в СССР. Эта книга по праву признана одним из самых качественных учебников по истории РПЦ. В предисловии к этому своему, пожалуй, главному труду профессор Поспеловский написал слова, которые могут быть девизом каждого служителя церковной науки, каждого христианина: «Вынося мой скромный труд на суд читателя, надеюсь, что он принесёт пользу моей

родине – России, если хоть в малой степени послужит стремлению искать и выявлять правду, факты, истину, какими бы горькими подчас они ни были; если поможет развеять мифы, как те, что распространялись при старом режиме, так и те, что приходят им на смену теперь под ярлыком “православия”. На мифах и лжи, откуда бы они ни исходили, не может возникнуть ни всенародное покаяние, завещанное Святейшим патриархом Тихоном как условие духовного возрождения России, ни моральное выздоровление нации».

Деятельность Дмитрия Владимировича была особым образом связана со Свято-Филаретовским институтом. Профессор Поспеловский в течение многих лет входил в попечительский совет СФИ, выступал с докладами на братских конференциях, читал студентам СФИ лекции по истории Русской православной церкви, горячо поддерживал институт и Преображенское братство в трудных ситуациях. Благодарная память о личном общении с этим выдающимся человеком сохранится у всех преподавателей и студентов института, знавших его.

Можно свидетельствовать о том, что жизнь и труды Дмитрия Владимировича были направлены на служение Церкви, России, на просвещение русского народа. Вечная ему память!

Информационная служба СФИ

Он говорил правду

Начало на с. 3

9 сентября в Москве открылась выставка, посвящённая отцу Павлу Адельгейму



Светлана Чукавина проводит экскурсию

Авторский коллектив выставки и её организаторы, сотрудники Преображенского сообщества малых православных братств, Культурно-просветительского фонда «Преображение» и Свято-Филаретовского православно-христианского института, в основном москвичи. Однако первым городом, где она была представлена, стал Псков, место последнего служения отца Павла. Там выставка открылась в день первой годовщины гибели отца Павла, а через месяц приехала в Москву.

В зале «Мемориала» людей было столько, что пройти через него во время открытия и первой экскурсии, никого не задев, было практически невозможно. В обычных для таких случаев выступлениях было нечто особенное: об отце Павле говорили так, как если бы он был здесь, рядом. Это личное отношение к нему тех, кто его знал, заражало всех присутствующих и вносило в атмосферу радостный дух. Для тех, кто не был знаком с отцом Павлом при жизни, его портрет складывался, как мозаика, – из вдохновенного рассказа о его жизни руководителя авторского коллектива выставки Светланы Чукавиной и из слов тех, кто его лично знал.

Дмитрий Гасак, проректор Свято-Филаретовского института и председатель Преображенского братства, говорил о силе слова отца Павла: «Авторитет отца Павла основывался не только на его трагической и при этом духоносной жизни. Само его слово было весомо, значимо. Всю свою жизнь он говорил правду – и об истории нашей страны, и об истории церкви, и о настоящем. Хотелось бы, чтобы через выставку это почувствовали и восприняли наши современники».

Арсений Рогинский, российский историк, председатель правления правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», в своём обращении сказал о значении служения отца Павла не только для церкви, но и для российского общества: «Для нас радость и честь, что Преображенское братство решило разместить выставку о священнике Павле Адельгейме в нашем зале – зале сугубо светской организации. Многие из нас, и я в том числе, чувствуют какую-то близость к человеку, которому посвящена выставка. Наверное, можно говорить и о близости к нему “Мемориала” в целом».

Дело, конечно, не только в том, что о. Павел был политическим узником советских лагерей. Хотя, конечно, этот биографический факт для нас немаловажен. Тут важнее всего ценности. Ценности свободы, права, исторической памяти. Ценности гражданского общества. Это были его ценности. Но это и наши ценности. И это приближает нас к нему.

В своих писаниях и в своей каждодневной духовной и практической работе о. Павел Адельгейм далеко выходил за пределы церковной ограды. Он был открыт не только своему приходу, не только своей пастве, он был открыт всему миру. Боли и несправедливости мира были и его болью.

Он много (и резко) писал о современной внутрицерковной ситуации, много писал и о современном



государстве. Особенно много и с горечью в последние годы он говорил об опасности «византийской симфонии» между церковью и государством.

Но институции эти занимали его не сами по себе, а всегда в связи с их отношением к Человеку, в связи с тем, какой урон они ему наносили или могли нанести. То есть по-настоящему-то его размышления и его работа были посвящены Человеку, и только Человеку. Он понимал людей, он любил каждого отдельного человека, он старался охранить каждого, помочь каждому».

Руководитель псковского «Мемориала» Юрий Дзезва рассказал, что для отца Павла значило быть его членом. Отец Павел стоял у истоков создания псковского отделения «Мемориала». Именно он инициировал установку неподалеку от храма, где служил, памятного камня, посвящённого жертвам советских репрессий. Он же служил и первую литию на мемориальном кладбище в Левашово под Петербургом, где в 1997 году псковский «Мемориал» установил памятный крест в память о псковичах, расстрелянных и погребённых там.

Александр Копировский, профессор СФИ, знавший отца Павла ещё с 1970-х годов, сказал, что его никогда нельзя было назвать «ходячей иконой». Хотя



Арсений Рогинский, Дмитрий Гасак

иногда именно так воспринимают людей высокой духовной жизни: «Он святой, не такой, как мы, – совсем другой! А с нас что возьмёшь? Мы люди грешные!» Но отец Павел и в своём церковном служении, и в общении с домашними (у него была жена и трое детей) показывал, что настоящая высокодуховная жизнь на самом деле доступна обычным людям. Благодаря этому своему качеству отец Павел приводил к Богу самых разных людей – даже некоторые его кураторы из КГБ тайно исповедовались у него и крестили своих детей.

Конечно, вспоминали и о блоге в «Живом журнале», который вёл отец Павел. Максим Якубсон, режиссёр документального фильма «Один день отца Павла», напомнил, что именно в ЖЖ отец Павел писал много вдохновенного, редкого, ценного. Там же он опубликовал и свое интервью сайту Преображенского братства – «Бодрствуйте!», которое дал за несколько дней до своей гибели. «Нам важно почувствовать его призыв к стоянию в вере, к бодрствованию и, насколько мы можем, нести этот призыв в своей жизни. Трудно сказать – как это делать, но от этого зависит и наше спасение, и судьба церкви», – сказал Максим Якубсон.

Были на открытии выставки и неожиданные гости – например, келейница о. Николая Гурьянова, поделившаяся своими воспоминаниями об о. Павле и объяснившая, что привело её сюда:

«Вера в Бога, благодарность и искренняя любовь к редкой души человеку – настоящему пастырю отцу Павлу – и единодушие с ним во многом. Сейчас существует разное отношение к соборам, канонам, богослужебному языку. Не надо из-за этого изгонять друг друга из Церкви, утверждать: “Церковь – это я”. Церковь – это Христос».

Мало кто знает, что батюшка Николай книгу о. Павла «Догмат о Церкви» с любовью принял и прочитал, радовался, что в наше время пишут правду о церковной жизни. У нас были упаковки первого издания, и мы раздавали книги из келии. Потом долгое время на воротах кладбища висело предупреждение: «Правящий архиерей Евсевий запрещает брать литературу из келии Старца»...

Когда о. Николай упокоился, о. Павел был единственным священником Псковской епархии, который

подошёл и с участием спросил: «Матушка, нужна ли какая-то помощь, может, материальная, для погребения? Чем вам помочь?» Никто из них больше не заболел о нас... Вот и на днях памяти о. Павла не было ни одного священника из епархии. Только приехавшие из других городов... Да и здесь на открытии выставки священников не видно. Горько это... И преодолеть эту «безотцовщину» будет возможно только при любвеобильном, бережном и почтительном отношении к пастырям, за молитвы которых Псковская епархия славится и принята Богом – Псково-Печерских старцев, о. Николая, о. Павла».

Батюшка Николай и о. Павел – небесные избранники. Оба исповедники, оба мученики, оба святые нашей Русской Церкви, псковские святые... Несомненно, они будут прославлены и канонизированы. И роднит их высокая свобода духа во Христе.

Отец Павел, по словам батюшки Николая, олицетворял собой Церковь гонимую. Мы знаем замечательный канон Зарубежной Церкви Исповедникам и Новомученикам Российским. Там есть слова: «Подлинная власть Церкви – Церковь гонимая». Когда Церковь срывается с миром, всячески благоденствует, тогда её не гонят – и она теряет свой Дух... Ведь почему так шли за отцом Павлом? Почему шли за отцом Николаем? – Потому что они были и есть носители Духа Христова. Батюшка про отца Павла говорил: «Он живёт как мученик». Ведь против него воздвигались немые обвинения, и началось всё задолго до 2002 г., до выхода книги о. Павла».

Гонения на о. Павла и о. Николая начались одновременно, с приездом нового архиерея Евсевия. Я долгое время не понимала, что происходит на Острове*, почему вокруг о. Николая такая нездоровая обстановка... Всю жизнь буду помнить и страдать: Воздвижение Честного Животворящего Креста Господня, 26 сентября 1997 года. Великий старец Руси, к которому гонят тысячи автобусов с паломниками, как раненая птица, стонет на паперти храма, в котором он прослужил Богу и людям 40 лет, и не может войти... Потому что присланные епископом сотрудники, мальчишки по возрасту, ключи от храма отняли... И старец войти и служить не может... Тогда я поехала к о. Павлу и спросила: «Почему в епархии такое неуважительное отношение к старцу Николаю? Он Божий человек святой жизни, благодатный отец. Его нужно оберегать. Не понимаю, что происходит». А он ответил: «Там дело совсем не в о. Николае, а во владыке Евсевии»».

Выставка памяти о. Павла Адельгейма открылась в Москве в день трагической гибели в 1990 году другого известного пастыря – отца Александра Меня. Мученическая кончина обоих этих священников подтверждает то, что в нашей стране слово правды по-прежнему стоит дорого: платить за него приходится жизнью. Об этом говорил Дмитрий Гасак в завершение вечера, вспоминая слова человека, тоже не перемолотого агрессией XX века, – Евфросиньи Керсновской: «Человек стоит столько, сколько стоит его слово».

Выставка закончит свою работу 2 ноября, вскоре после дня памяти всех жертв политических репрессий. За это время московские посетители смогут впервые познакомиться с фотографиями, аудио- и видеоматериалами, книгами, документами и личными вещами отца Павла.

Выставка проходит по адресу: улица Каретный ряд, 5/10.

Время работы выставки: с 10.00 до 17.00 в пятницу, субботу, воскресенье.

Телефон для справок: 8-495-699-6581

Заказ экскурсий: 8-968-764-5212

Анастасия Наконечная

Фото Марии Кайковой
Информационная служба Преображенского братства

* Имеется в виду о. Талабск (Залит), где жил о. Николай. – Ред.



«Европеец» и «Москвитянин»

Начало на с. 1

Так назывались журналы, которые в разное время издавал И.В. Киреевский. Славянофильский кружок распался 150 лет назад, но мысли и труды славянофилов продолжают занимать нас и сегодня

Человек, живущий только ради себя и своего комфорта, воспринимался как бездарь и недоросль. Даже характеристика несостоявшегося не относилась к такому типу людей, поскольку предполагала стремление к стоянию. Понятие о необходимости служения было одним из ведущих в русской культуре.

Воспитание и образование

После смерти Василия Киреевского Василий Андреевич Жуковский, близкий родственник его вдовы, Авдотьи Петровны Киреевской, переехал в Долбино и провёл два года, воспитывая маленьких детей. В семь лет Иван так хорошо играл в шахматы, что многие офицеры боялись ему проиграть. «Десяти лет Киреевский был коротко знаком со всеми лучшими произведениями Русской Словесности и так называемой классической Французской литературы; двенадцати лет он хорошо знал Немецкий язык»³. До пятнадцатилетнего возраста Киреевские оставались безвыездно в Долбине; у них не было ни учителей, ни гувернёров; они росли и воспитывались под непосредственным руководством матери и отчима. В 1817 году А.П. Киреевская вышла замуж за Ал.Ан. Елагина. Елагин, горячо и нежно любивший Киреевских, был их единственным учителем до 1822 года. Киреевский развивался быстро, не говоря о том, что он ещё в деревне прекрасно выучился французскому и немецкому, коротко познакомился с французской и немецкой литературой, перечёл множество исторических книг и основательно выучился математике. Когда Елагины переселились в Москву для дальнейшего воспитания детей, молодой Киреевский явился (1822 г.) в кругу своих сверстников знакомым со многими положениями тогдашней германской философии. В Москве Иван Васильевич продолжал обучение древним языкам.

Друзья

Товарищами Киреевского были Д.В. и А.В. Веневитиновы, В.П. Титов, С.П. Шевырёв, И.С. Мальцев, Н.А. Мельгунов, С.А. Соболевский и многие другие. Из них составилась круг его первых друзей, и к нему примкнули выпускники Московского университета Н.М. Рожалин, М.А. Максимович и М.П. Погодин. Это было время расцвета русской литературы, ознаменованного яркими успехами Пушкина, наряду с которым блистали ярчайшие поэтические имена Баратынского, Языкова, Дельвига, Веневитинова, Хомякова.

Одновременно с деятельностью литературной появилась и деятельность философская, которая впервые в русской истории сыграла значительную роль в формировании целого поколения. Возрастание философской активности во многом обязано влиянию Шеллинга в русской просвещённой среде. В Москве выпускник Московского университета князь В.Ф. Одоевский собирал у себя небольшой круг молодых литераторов, во имя Любоумрия, к которому принадлежал и Киреевский со своими архивными сослуживцами, среди которых был Д. Веневитинов. Про последнего говорили, что он рождён для философии ещё больше, чем для поэзии. В 1826 году Пушкин так близко сошёлся с Веневитиновым и его товарищами, что они основали новый литературный журнал, «Московский Вестник», под редакцией М.П. Погодина. Киреевский также готовился к литературному поприщу.

Задачи

В возрасте 21 года Иван Васильевич работал в архиве, за что получил упрёк от своего друга А.И. Кошелева. Мысли о задачах своей жизни Иван Васильевич подробно излагает в ответном письме к другу. Он пишет, что если бы ему пришлось выбирать свою судьбу между делом воина, сражающегося за свои идеалы, которому суждено умереть на

половине пути, даже не зная, достиг ли он желаемого, и уделом мещанского счастья, он без колебаний выбрал бы меч. Но прилагаясь к своему времени и особенностям своей жизни, он ставит следующие цели: «В самом деле, рассмотри беспристрастно: какое поприще могу я избрать в жизни, выключая того, в котором теперь нахожусь? – Служить – но с какою целью? – Могу ли я в службе принести значительную пользу отечеству? Мне кажется, что здесь (в архивной работе. – Примеч. автора) есть вернейшее средство для образования: это возможность употребить время, как хочешь. Не думай, однако же, чтобы я забыл, что я Русский, и не считал себя обязанным действовать для блага своего отечества. Нет! все силы мои посвящены ему. Но мне кажется, что вне службы я могу быть ему полезнее, нежели употребляя всё время на службу. Я могу быть литератором, а содействовать к просвещению народа не есть ли величайшее благодеяние, которое можно ему сделать? ...Мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов, и чистоту жизни возвысим над чистотой слога. Но чем ограничить наше влияние? ...Вот мои планы на будущее. Что может быть их восхитительнее?»⁴

Издательство «Европейца»

Судьба уготовала большие испытания Киреевскому на литературном поприще. После европейского турне и лекций Шеллинга в Берлине, в 1831 году он становится издателем журнала «Европеец», в котором принимают горячее участие все его литературные друзья: Жуковский, Пушкин, Веневитинов, Языков и другие. В нём он публикует свою статью «XIX век», где пытается увидеть смену умонастроений европейского общества с конца XVIII до 30-х годов XIX века и задаётся вопросом о своеобразии русской действительности, о том, что из европейского опыта нам близко и что чуждо и почему, к чему стоит стремиться. Одна из основных идей статьи состоит в сравнении составляющих элементов христианских культур. Особенность христианского европейского общества автор видит в сплаве трёх элементов: христианства, традиций языческих народов, принявших христианство, а также римской культуры, унаследованной католичеством. В русском обществе не было этой последней составляющей. Отсюда разница культур и уважение к закону и праву, развитая государственность и просвещённость в европейской среде. Киреевский видит развитие человеческой истории как развитие единого всечеловека, который мыслит, заблуждается, находит новые пути, разум и просвещённость которого достигает новых этапов. Соответственно ценность культуры данного народа состоит в том, насколько он относится к авангарду или приобщается к этому общему развитию.

Статья написана в спокойном тоне, не представляет сатиры или жёсткой критики, однако журнал имел только два выпуска, статья Киреевского была подвергнута резкой цензурной критике, журнал закрыт. Такой результат удручающе подействовал на И.В. Киреевского. Литературное поприще, к которому он себя готовил ради пользы отечества, было отвергнуто самим этим отечеством. После закрытия журнала Киреевский не писал двенадцать лет. За это время изменился и ход его мыслей. Он сблизился со старцами Оптиной пустыни, изучал писания отцов Церкви.

Перемена мировоззрения

Вместе со своим братом Петром и А.С. Хомяковым Киреевский стоял у истоков славянофильского движения. Он увидел в западном мировоззрении слишком большое влияние рационализма и вследствие этого отсутствие целостности восприятия общественной жизни и христианской веры. Основной идеей

позднего творчества Киреевского является «цельное» мировоззрение, которое собирает в одно веру, дух, сердце и разум. Оно есть срединный путь между невежеством, которое ведёт к «уклонению разума и сердца от истинных убеждений», и логическим мышлением, способным отвлечь человека от всего важного в мире. Он считает, что западное рационалистическое мировоззрение привело к культуре телесности и материального производства и одновременно к духовному порабощению человека.

Киреевский не отвергает рационалистической философии Запада, он отвергает её притязание на высшее и полное познание истины.

Изменение состояния общества он видел не в построении новых систем, а в повороте сознания, «воспитании общества», преодолевающим индивидуализм и рационализм. Суть этого пути – стремление к сосредоточенной цельности духа, которая даётся только верой: «осознанием об отношении человеческой личности к личности Божества». Этому должна помочь также и аскеза – необходимый элемент не только жизни, но и философии.

Оценку исторического развития русского и европейского общества Киреевский поменял на противоположное. В допетровской Руси он видел теперь устройство почти совершенно христианское, не подверженное индивидуализму и рационализму Запада. Он решает, что в западной культуре римская языческая составляющая победила христианство. Он находит, что устройство общества на Руси в так называемые миры более соответствовало христианству: «Человек принадлежал миру, мир ему. Поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества. Лицо участвовало во столько в праве владения, во сколько входило в состав общества»⁵. На Руси были монастыри, «святыне зародыши несбывшихся университетов», в которых изучались писания Святых Отцов, и отшельники, которые потом приходили учить народ. «Семейные отношения каждого были определены прежде его рождения; в таком же predetermined порядке подчинялась семья миру, мир более обширный – сходке, сходка – вече и т. д., откуда все частные круги смыкались в одном центре, в одной Православной Церкви»⁶.

Эта идеалистическая картина устройства общества в допетровской Руси была реакцией на рационализм Запада. Родовое устройство общества не соответствует христианству, которое по природе своей не родовое: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестёр, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк 14:26). До сих пор заблуждение о христианстве как родовой религии очень сильно мешает как христианству, так и роду. Разрешение этого существенного вопроса с точки зрения автора статьи было найдено А.С. Хомяковым – другом и единомышленником Киреевского, который утверждал: «Только свободный человек может являть единство». Свободный, не родовый, сделавший свой личностный выбор.

С 1839 года в доме Киреевского стали собираться еженедельные литературные встречи, на которых поочерёдно каждый должен был читать что-нибудь новое. Там Гоголь прочёл «Мёртвые души», Хомяков специально для этих встреч написал «Старое и новое».

В 1845 году Киреевский, при ходатайстве своих друзей, становится издателем журнала «Москвитянин», ранее принадлежавшего Погодину, по причине болезни передавшего издательство в другие руки. Многие бывшие участники «Европейца» принимают участие в журнале: А.И. Тургенев, Хомяков, Языков, князь Вяземский. Но направление издания

сильно отличалось от прежнего. К сожалению, из-за проблем с правом на собственность журнала, а также из-за слабого здоровья издателя вышло только три номера «Москвитянина».

В начале 1852 года Киреевский написал своё известное письмо к графу Комаровскому о характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. Статья эта была написана для «Московского Сборника», издаваемого одним из молодых друзей Киреевского, Иваном Сергеевичем Аксаковым, и напечатана в первой книге. Второй том «Сборника» постигла участь «Европейца». После этого Киреевский перестал вовсе писать для печати.

В 1856 году в России вновь появилась возможность работать открыто. В Москве основался новый журнал – «Русская Беседа» – под редакцией Кошелева, с участием всех друзей и единомышленников Киреевского. Все активно принялись за дело. Киреевский, получив возможность свободно писать, не боясь быть перетолкованным, с жаром принялся за работу. Он прислал статью: «О возможности и необходимости новых начал для философии». Но, к несчастью, эта статья была последней. В июне 1856 года он за два дня умер от холеры.

В истории русской философии влияние И.В. Киреевского весьма значительное. Он принадлежал к блестяще образованным людям своей эпохи, внёсшим Любоумрие в русскую культуру. Он был одним из первых, испытавших на себе влияние немецкой философии, особенно Шеллинга. И он был один из трёх, включая Хомякова и Аксакова, впервые переосмысливших рационалистическую западную философию в свете её влияния на общество. Он увидел, что она ведёт к утрате цельного духовного христианского мировоззрения через примат рационализма и в конечном итоге к безверию западной цивилизации. Он противопоставил ей необходимость достижения цельности духа, которая даётся только верой: «осознанием об отношении человеческой личности к личности Божества». Надо отметить, что и сам Шеллинг в конце своей жизни пришёл к близким выводам, но последние его мысли были меньше восприняты общественностью. Таким образом, за короткое время, 20-е – 40-е годы XIX века, русская мысль в лице названных людей пережила знакомство с западной философией и очень быстро рождение своей собственной христианской философии. Это и есть основная идея славянофилов. Название движению дал Батюшков, но оно неверно отражает его главную идею: они любили русский народ как менее подверженный рационализму и индивидуализму Запада, видели в нём возможность христианского пути. В допетровской Руси славянофилы видели хорошую почву для возможности христианского общества. Но здесь между ними были разномыслия: так, Киреевский явно идеализировал допетровскую Русь в её отношении к христианству, а Хомяков остро чувствовал необходимость покапания русского народа ради возможности идти по христианскому пути. Эти идеи повлияли на развитие всей русской мысли: они породили второе поколение славянофилов, повлияли на творчество Ф.М. Достоевского, Владимира Соловьёва, Николая Бердяева, о. Сергия Булгакова и многих других.

Александра Ошарина

¹ Елагин Н.А. Материалы для биографии И.В. Киреевского. Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. т. I. С. 5.

² Киреевский И.В. Полное собрание сочинений, т. I.

³ Там же. С. 6.

⁴ Киреевский И.В. Полное собрание сочинений, т. I. К.А.И. Кошелеву. 1928. С. 9.

⁵ Киреевский И.В. Полное собрание сочинений, т. I. В ответ А.С. Хомякову. С. 115.

⁶ Там же. С. 115.

«Сегодня быть священником труднее»

Начало на с. 1

Интервью со священником Георгием Кочетковым

Это, безусловно, накладывает очень большую ответственность. И священники, кроме каких-то особо циничных, стараются это учитывать.

Иногда они даже слишком верят в то, что они всё знают, на любой вопрос могут ответить и могут быть духовными руководителями жизни.

Конечно, священнику всегда нужно иметь терпение, смирение, послушание Богу. И с этим тоже есть проблемы – и с терпением, и со смирением, и с послушанием Богу, потому что часто священник оказывается в ситуации, когда он должен больше думать о том, что скажет начальство, будь то старшие – в храме, в благочинии, в епархии – или внешние, государственные чиновники, как это было в советские времена да и сейчас иногда бывает. И это, конечно, очень трудная проблема, очень серьёзная дилемма для священника – как ему «слушаться» больше Бога, нежели человека». Многие священники об этом даже стараются и не думать, полагая, что начальство, особенно церковное, и есть воля Божья, и через это начальство, даже если оно выглядит очень

недостойно, говорит Господь Бог. Здесь много предрассудков, проблем, каких-то особых традиционных и нетрадиционных воззрений, которые мешают священнику быть тем, кем он должен быть.

А он должен быть не просто «пастырем овец православных», как порой расшифровывается благочестивым нарродом слово «поп», но всё-таки, прежде всего, быть именно старшим: он должен любить людей и отвечать за них больше, чем все остальные, он должен уметь предстоять, ходатайствовать за них, уметь забывать о себе, своём и своих, когда требуется особая помощь людям верующим, а иногда даже и нецерковным. Вот в этом, может быть, основное служение священника – как пресвитера, как старшего, а не просто как жреца, как совершителя обрядов и таинств, как того, кто вещает с трибуны или с амвона внимающей пастве, которую надо учить и «пасти жезлом железным».

Известно, что христианин – человек радостный, в котором радость о Христе побеждает любые обсто-

тельства, какими бы тяжёлыми они ни были. Однако жизнь показывает, что, зная это в теории, довольно трудно применять это в реальной жизни. Всё равно накапливаются усталость, раздражение, а иногда и просто руки могут опуститься. Как Вы считаете, насколько важно для священнического служения не поддаваться такой агрессии мира сего, не унывать? И может быть, Вы знаете секрет – как этому противостоять?

Это вопрос более личный. Есть разные священники – с разными характерами, воспитанием, психотипом в конце концов. Современному человеку, особенно тому, который часто сидит в интернете или заражён другими подобными азартными играми и занятиями, трудно быть радостным. Он обычно немного страдает унынием и депрессией. Это одна из причин, почему надо резко ограничивать всю эту деятельность в интернете и в любом виртуальном пространстве – и телефон, и телевизор, и прочее. Радость берётся от Духа Святого, благодать даёт радость,

общение даёт радость, служение даёт радость – вот что главное! Это главное и для преодоления противоположных тенденций в человеческой жизни. Так что надо всегда противостоять унынию, надо запретить себе уныние аскетическим образом, надо преодолевать его Иисусовой молитвой, добрым делом, служением, если оно уже есть и выявлено от Духа Святого. Этому надо учиться, для этого надо людям объединяться, для этого надо преодолевать индивидуалистические и аутистские тенденции, которых много среди современных людей. Надо меньше думать о себе и своём, меньше бояться. И нужно больше как любви, так и доверия Богу и ближним. Я думаю, это самое важное для священника и всех тех, кто его окружает.

Беседовали Анастасия Наконечная, Дарья Макеева

Материал печатается в сокращении. Полностью интервью опубликовано на сайте Преображенского братства <http://psmb.ru>

Мы вместе говорили «Аксиос»

Своими воспоминаниями о пресвитерском рукоположении о. Георгия Кочеткова делятся члены Преображенского братства

Александр Копировский

Рукоположение проходило в Успенском храме Новодевичьего монастыря. Мы все после литургии подходили к кресту, с которым, по традиции, вышел о. Георгий, поздравляли его. Потом по территории монастыря шли большой группой, радостные, с цветами. Сделали общую фотографию с внутренней стороны ворот. Было ощущение весны, хотя на календаре был сентябрь. Нам казалось, что «зима тревоги нашей позади». Шёл 1989 год; ещё существовал СССР. Но это рукоположение давало надежду, что предыдущие трудности, гонения от «внешних» – они закончились. У нас было ощущение полного единства. И что мы вместе идём служить церкви и, в каком-то смысле, все на это служение рукоположены.

Это событие было неожиданным или ему что-то предшествовало?

Рукоположение о. Георгия смогло совершиться, потому что был запрос от инициативной группы по открытию храма в г. Электроугли персонально на него. Они искали кандидата в священники и очень боялись, что никто не пойдёт, потому что храм был сильно разрушен. С одним из членов этой группы мы вместе работали в музее им. Андрея Рублёва, он знал и о. Георгия. Но, насколько мне известно, одновременно с их запросом была и просьба из Павлова Посада, где он несколько месяцев служил в храме дьяконом. Только просьба шла не из старого, а из другого, новооткрытого храма. Мне рассказывали, что делегации от этих приходов встретились в приёмной митрополита Ювеналия, когда пришли подавать заявку.

Слава Богу, что митрополит выбрал для о. Георгия храм в Электроуглях: для всех нас это было доступнее, потому что гораздо ближе к Москве. Храм был, правда, в гораздо худшем состоянии, чем в Павловом Посаде. Но нам было всё равно – ведь назначение в храм было признанием: всё, он может служить, «полоса отчуждения» закончилась! Поэтому у нас было состояние не просто большой радости, а настоящего счастья. Начинаясь новая жизнь...

А кто были те люди, которые поздравляли? Вас было много?

Несколько десятков человек, я думаю. Прежде всего те, кто прошёл оглашение или участвовал в нём. Теперь мы были готовы не просто ходить в храм, а именно служить. Через год в Электроуглях многие присутствовавшие на рукоположении были на первом Преображенском соборе.

То есть это были не только члены первой общины, которая родилась в 1988 году, а ещё много других людей?

Да. Мы звонили всем, кому могли, заранее. Рассказывали, что рукоположение назначено на 24 сентября, радовались, что это день памяти преп. Силуана Афонского, считали, что это тоже значимое совпадение.

Александр Михайлович, а митрополит Ювеналий знал подробности биографии о. Георгия?

Наверное, да: и то, что о. Георгий был когда-то старшим иподьяконом у ректора Академии, архиепископа Кирилла (нынешнего патриарха), и что он был патриаршим стипендиатом, и что его выгнали по требованию «органов» и долгое время он был «нигде», потом был чтецом, хотя и в сане дьякона. Я думаю, эти сведения ему были известны.

То есть со стороны владыки это был смелый шаг?

Мы не знаем всех подробностей. Шло общее «потепление», это чувствовалось. Железные шупальца разжимались. Может быть, сыграло свою роль и то, что о. Георгий никогда не поднимал «волны» в свою защиту: не жаловался, никуда не писал. Хотя его с 1983 года не брали на работу. Ни в светские учреждения, потому что он дьякон, после Духовной академии; ни в церковные, потому что из академии его выгнали, и выгнал известен кто... Наконец, он как-то устроился работать бухгалтером, потом стал чтецом, потом стал служить дьяконом в Заозерье, под Павловым Посадам, в соответствии со своим саном. Но рукоположение о. Георгия в пресвитеры, которое давало возможность открытой проповеди, пусть пока только в храме, и совершения церковных таинств, было событием неординарным и требовало определённой смелости от владыки – это безусловно.



Священник Георгий Кочетков с братьями и сестрами в день пресвитерской хиротонии 24 сентября 1989 г. Новодевичий монастырь. Фото Анатолия Мозгова

Елена Серова

Я это хорошо запомнила, на всю жизнь, но это очень простые воспоминания. Мы очень ждали этого рукоположения. И когда оно состоялось, наша община (а она была большая, 25 человек) пришла в храм с детьми – у Наташи Седовой трое, у Серовых двое, коляски... Был прекрасный солнечный день, в Новодевичьем монастыре было очень красиво. Кроме нас были люди из круга о. Георгия, которые не вошли потом в общину, в братство, были знакомые, друзья. На службе мы говорили «аксиос», конечно, не пели громко, но участвовали в том, что происходило. Я очень хорошо помню причастие. Отца Георгия поставили слева в углу, и мы все у него причащались. Есть фотография после службы, очень памятная, когда он вышел во двор с букетом цветов и вокруг него – народу... Потом мы поехали к нам домой на агату. У Вадима* в этот день, 24 сентября, был день рождения. Была праздничная агата общины. Каждый год эти воспоминания стоят перед глазами.

Вы народ специально приглашали?

Оповестили всех, но никого не «засыпали» – все сами прибежали. В Новодеви-

чем Успенский храм пустой всегда был, а тут пришло много народу.

Что это значило для общины?

Для общины это – новая жизнь была. Мы каждое воскресенье, со всеми малышами детьми садились в электричку и ехали в Электроугли. Даже мысли не было – как это не поехать туда на Литургию.

То есть вы этот храм брали на себя сразу – всё, что в нём надо было делать?

В храме мы не много успели сделать. Он был совсем разрушен, и когда мы в первый раз приехали на молебен, на нас падал дождь со снегом – там не было крыши. Но власти пошли навстречу и выделили нам подвал в жилом доме, и вот там-то и проходило богослужение. Отец Георгий снял какую-то квартиру в пятиэтажке, где ночевал. Это продолжалось около года, а потом его перевели в Москву.

А народ в Электроуглях собирался, приходил в храм?

Конечно. Были замечательные старушки, верные и добрые, мы с ними дружили. А вот власти к о. Георгию относились очень плохо, гнали его.

* Вадим Серов – член первой общины, сын Е.Н. Серовой. В 1990-е годы – староста храма преп. Феодора Студита.

Сергей Смирнов

Для меня это было очень важным событием. Хотя я тогда только ещё оглашался, мне было понятно, что о. Георгий человек неординарный. Я знал, что он, москвич, служит дьяконом за тридевять земель от Москвы; так что нетрудно было догадаться, что он отнюдь не в фаворе у церковного начальства (о его исключении из Ленинградской духовной академии я тогда, насколько я помню, не слышал). В то же время я очень хорошо понимал, что о настоящей духовной жизни он знает отнюдь не понаслышке. Поэтому для меня было очень важно, что его рукоположили. Для меня это означало, что Русская православная церковь способна распознать жизнь и принять её. Что иерархи могут не просто действовать по каким-то готовым шаблонам, но смотреть на суть дела. Можно даже

сказать, что именно это рукоположение меня с РПЦ – с церковью как институтом – примирило. У меня ведь, как это бывает у многих оглашаемых – и тогда, и сейчас – было к нашей церкви множество претензий...

Рукоположение о. Георгия было для меня довольно неожиданным. Окончание прямых гонений на церковь и необратимость перемен были тогда ещё под очень большим вопросом. Вроде уже что-то можно, но, может быть, всё-таки нельзя? И даже если вынести за скобки внешние обстоятельства, связанные с государственной властью, существовала ещё и церковная поляризация. Отец Георгий уже тогда в московской церковной среде был достаточно известен, и кто-то хорошо к нему относился, а кто-то плохо. Так что решение митрополита Ювеналия рукоположить его, думаю, было довольно смелым.

В тот день я был в храме и помню само рукоположение. Отец Георгий пригласил нас, своих оглашаемых, на литургию (мы на тот момент ходили в храм далеко не регулярно). Запомнился митрополит Ювеналий: он был уже совершенно седым и показался весьма и весьма пожилым человеком; примерно как сейчас, спустя 25 лет. Народу было не очень много. Была группа, пришедшая вместе с о. Георгием. Я думаю, человек тридцать-сорок, не больше, но это была заметная часть присутствовавших на богослужении. Они стояли кучкой, и когда митрополит возгласил «аксиос» («достойн» (греч.) – *Ред.*), во весь голос пропели: «аксиос, аксиос». Это, действительно, звучало как свидетельство того, что о. Георгий «достойн». И было очень неожиданно, поскольку обычно все, кроме хора, в этот момент службы хранят сугубое молчание. Это многоголосое «аксиос», наверное, основное моё впечатление от

той службы.

Став священником, о. Георгий продолжал вести у нас оглашение, хотя нередко поручал провести ту или иную встречу своим помощникам (ему тогда дали совершенно разорённый храм в г. Электроугли, времени у него стало гораздо меньше). Поскольку я всегда относился к нему с некоторым почтением, тот факт, что он был «повышен в звании», не многое для меня изменил. Да и вообще, на самом оглашении, как мне кажется, рукоположение о. Георгия непосредственно не отразилось. С другой стороны, он впервые смог принимать исповедь и крестить тех, кто ещё не был крещён.

Вскоре после нашего воцерковления я стал ездить в приход о. Георгия в г. Электроугли, на литургии, которые служились в подвальном помещении обычной провинциальной «хрущёбы». Но это уже было потом...

«И континенты нуждаются в островах»

В этом году исполняется 25 лет со дня священнической хиротонии о. Георгия Кочеткова. Что, на Ваш взгляд, является главным в его служении и в чём его главное призвание?

Протоиерей Василе Михок, президент румынского православного движения «Воинство Господне»¹: На мой взгляд, самое важное в служении отца Георгия – это то, что он основал движение, а также решимость, решительность и последовательность, с которыми он следовал по пути к исполнению этого идеала вопреки всем противостояниям. Всё, что здесь произошло, помимо того,



что это было совершено по действию Духа Святого, по действию Божьему, было дано и по усилению веры, доверия людям и стойкости. Конечно, можно говорить ещё об очень многих важных вещах в отношении служения отца Георгия: и о его неустанном служении, когда он призывает людей к спасению, наставляет на этом пути, чтобы слово Божье исполнялось, и тот идеал, к которому он стремится, был усвоен окружающими; и о трудах перевода богослужебных текстов. Много можно отметить. Но всё это поставлено на служение главному идеалу – тому, чтобы Церковь была Церковью, в которой верующие встречались бы со Христом, жили в Нём и созидали общение между собой, укреплялись в этой жизни, в общении во Христе.

Его главное призвание – пророческое... Ведь пророк – это тот, кто показывает путь Божий в конкретных жизненных ситуациях, кто говорит: «Так говорит Господь». И в конкретных условиях жизни Русской православной церкви после всего того, что она пережила, после всех гонений, когда подавляющее большинство населения просто забыло о том, что такое Церковь, голос отца Георгия был подобен гласу пророка, который призывает нас заново открыть чудо, и тайну, и таинство Церкви. Церковь – это Христос и люди. Это Еммануил, Господь с нами². Церковь – это наше общение со Христом. Отец Георгий в этом смысле не теряет силы на какие-то второстепенные вещи, но, имея пророческое призвание, стойко следует по этому пути, по пути воцерковления людей. И то, что происходит благодаря этому движению, Преображенскому братству, в России, это по-настоящему удивительное чудо. И я, конечно, очень счастлив тому, что могу видеть своими глазами то, что происходит в России. Это для меня большая

привилегия, и радость, и благодать. Я славлю Бога за эту возможность и молюсь Ему всё время об отце Георгии, чтобы Господь даровал ему сил, чтобы он мог исполнить своё призвание с этой стойкостью, с верой. И я тоже прошу у о. Георгия молитв, и вас прошу молиться о нас.



Жорж Нива: Мне трудно сказать, я сужу извне: я не член братства, я не православный, я не русский. Но по плодам деятельности о. Георгия я вижу нечто весьма необыкновенное.

Мне удалось побывать на встречах нескольких братств, мне посчастливилось два раза побывать в братстве в Заостровье у о. Иоанна. Это было для меня событием – увидеть, как строится христианская вера в очень трудных условиях и на руинах религии, которая преследовалась в течение более чем семидесяти лет. Да и предыдущая жизнь церкви была далеко не образцовой, так что возвращение к прошлому не являлось решением; и вообще возвращение никогда ещё ни к чему не приводило, потому что надо всегда идти вперёд.

Когда я слышу о. Георгия или читаю его статьи, я всегда вижу стремление к новому пути в традиции, ведь новому человеку всегда нужно найти свой путь к учению Христа и к Самому Христу. И сколько взрослых людей приходят в христианство благодаря этому огромному стремлению к воцерковлению! Эти люди знают литургию, как священники. Вот это меня поражает. В других местах есть один «специалист», и остальные слушают его, наполовину понимая по-церковнославянски. А тут как будто все члены общины (может быть, это немножко идеализированный взгляд) поют прекрасно, как будто вся община – это хор и не нуждается в специализированном хоре, хотя и он тоже есть. Это меня поражает, и это очень интересный факт для западных христиан.

Мне кажется, что о. Георгию удалось осуществить удивительное сочетание – суметь увлечь людей за собою в один общий, довольно трудный путь, в то же время оставляя им свободу. Это большое достоинство и большой результат.

Ольга Седакова: Я думаю, что отец Георгий открыл совершенно новый путь в русском православии – новый, но при этом такой, которого традиции давно ждала. Братская жизнь мирян – вот чего у нас почти не было. Как известно, православная традиция всегда ориентировалась на монашество. Каким образом

миряне могут осуществить своё служение Церкви – об этом думали мало. Это серьёзнейшее решение общего эклизиологического характера.

Я думаю, особенно значительно это решение в той ситуации, в которой начиналось его священническое служение: когда после десятилетий насильственного атеизма традиция была почти прервана, когда привычные формы приобщения к церковной жизни (семейные, школьные) не работали уже несколько поколений, и советский и постсоветский человек оказался перед собственным глубочайшим невежеством во всём, что касается церковной жизни. Но дело не просто в знаниях! Сам человеческий состав, все навыки, все привычки, все ценности, которые создавала в человеке советская индоктринация, делают невероятно трудным усвоение христианского образа жизни и мысли. Система катехизации, которую о. Георгий построил, приносит удивительные плоды! Я свидетель того, как глубоко и серьёзно меняются люди, прошедшие курс этой катехизации. Они переживают настоящее духовное и умственное возрождение! Они становятся взрослыми христианами, которым знакома и радость о Христе, и

Труд очищения и самосоздания, словами Ап. Григорьева, часто мучительный, крестный труд.



Ещё одно важнейшее и почти никем в такой мере не осознанное задание исполняет о. Георгий: установление творческих отношений Церкви и общества, Церкви и культуры. То, что я встречала в разных братствах, в разных городах, – не церковная «субкультура» с её характерной стилизацией и узостью, а открытый воздух культурного творчества. На конференциях, которые ежегодно устраиваются, ставятся самые насущные вопросы современной жизни, и участниками их становятся лучшие интеллектуалы, самые авторитетные люди нашего общества, часто не имеющие прямого отношения к Церкви. Их опыт, их знания сообщают этим собраниям особую стереоскопичность. Удивительным успехом была последняя из этих конференций, «Равнина русская».

Ещё я назвала бы историческую ответственность, отличающую братское движение. Несомненно, эта линия также проложена о. Георгием.

Я не готова так, кратко, перечислять все аспекты той новизны, которую принесло пастырское служение о. Георгия. В братском движении я вижу едва ли не

единственное основание надежды на то, что будущее в нашей стране возможно.

Что бы Вы хотели ему пожелать в день юбилея?

Отец Василе Михок: Я хотел бы пожелать, чтобы его священство всегда было образом постоянного обновления священства Христова в любых условиях, независимо от того, будут ли движение по-прежнему пытаться выдавить, как бы маргинализировать, или оно, наоборот, будет принято всеми. Идеалом служения отца Георгия является то, чтобы Церковь исполняла в жизни своё призвание. И моё пожелание отцу Георгию – чтобы он увидел исполнение этого идеала в своей жизни и в жизни общин.

Сергей Юрский: Отец Георгий вышел за пределы необходимости в подпорках, в том, чтобы его имя и влияние как-то поддерживали. Оно настолько мощно, что все сотрясения (а они есть!) его уже не касаются. Дай Бог ему сил, чтобы стоять и дальше на этой вершине, потому что на вершине стоять очень трудно.



Жорж Нива: Я уже давно знаю Преображенское братство и Свято-Филаретовский институт. И я желаю им процветать в нынешней России и в нынешнем христианстве, потому что дело это уникально и очень необходимо, и не только в России. Хотя в количественном измерении это остров, но ведь континенты нуждаются в островах.

У нас во Франции и среди православных, и среди католиков многих интересует опыт Преображенского братства, потому что ни у кого нет однозначного ответа, как развивать в живом виде сегодня христианство. Ответ, который так давно, так упорно и так свободно развивает о. Георгий, очень интересен для всех христиан, для тех, кто ищет, как нам жить по вере в этом гедонистическом, индивидуалистическом мире. Поэтому не только для России, но и для всех нас, христиан в Европе, важно знать, что этот опыт есть.

Ольга Седакова: То, чего достигло движение, невозможно было бы без помощи Божией. И я желаю отцу Георгию, чтобы эта помощь его не покидала!

¹ Православное миссионерское движение, которое называется Lords Army (Воинство Господне (Христово)), было основано в 1923 году в городе Сибиу, Румыния. В самом начале митрополит Сибиу активно поддерживал движение, но впоследствии братство пережило гонения – сначала от своих же братьев, а после войны и от режима Чаушеску. Тем не менее оно было очень активным в подполье; некоторые епископы в этот период тайно помогали движению, а некоторые сотрудничали с режимом в его подавлении. Из этого времени движение вышло с очень хорошей репутацией. Как только пал режим Чаушеску, оно сразу получило и церковный, и гражданский статус.
² «Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог». (Мф 1:23, Ис 7:14).

Где искать пути возрождения человека и общества

Начало на с. 1

Преображенское братство проводит конференцию «Люди свободного действия»

Цель конференции «Люди свободного действия. Неожиданные пути возрождения человека и общества» – явить обществу примеры подлинного свободного действия и пригласить к заинтересованному общению людей, способных на самостоятельную позитивную инициативу.

Конференция предоставит возможность увидеть важную и нужную деятельность каждого не только в свете её несомненной сиюминутной пользы, но и в масштабе жизни страны и народа, а значит, понять, в чём заключается наша общая

ответственность за настоящий исторический момент и какие усилия мы должны совершить, чтобы возрождение человека и общества на нашей земле стало полноценной реальностью.

В течение всего года мы публиковали материалы, посвящённые некоторым из будущих участников конференции. Сегодня эта серия публикаций завершается беседой с одной из «невидимок» – помощниц Солженицына, внучкой Корнея Чуковского Еленой Цезаревной Чуковской.

Что Вы могли бы сказать о движении волонтерства?

Если говорить о волонтерах, то вообще человек – это существо творческое. И если он делает с душой, с увлечением, с самоотдачей абсолютно любое действие, то подмывает ли он улицы или летит на самолёте, это хорошо для него и для всех окружающих. Он создаёт вокруг себя «климат увлечённости», является примером.

Для волонтеров, которые смогли разглядеть чужую беду, она стала не просто каким-то «известием в ящике», а частью их душевной жизни. Они, отодвинув какие-то свои мелкие, а может быть, и крупные интересы, пришли на помощь другим и в этом нашли опору для себя, осмысление жизни и заряд на дальнейший путь.

Правда ли, что до того, как советский строй рухнул, не было позволено волонтерство? Может быть, оно имело другие формы?

Конечно, общественности это было запрещено, церкви это было запрещено, но это совсем не значит, что в советское время люди не помогали друг другу. В самые трудные времена они выживали за счёт помощи других, начиная с помощи в коммунальной квартире – вплоть до известного мне случая, когда мать оставила маленькую дочку соседке, а сама ушла на войну. Сейчас такое трудно себе представить. Увлечённость, самоотверженность всегда были, и в советское время этого было не меньше. Просто это не было поддержано газетами, телевидением, обществом. И в этом смысле, конечно, волонтерство не было позволено.

Скажем, вокруг Сахарова был огромный круг помогающих ему людей; его сослали, а остальных просто посадили на десятилетия.

Я свидетель того, сколько народа помогало Солженицыну – профессора-историки, сотрудники библиотек, те, кто писали ему письма. Это были сотни людей. Он написал о многих, можно назвать двести двадцать семь свидетелей Архипелага. Это немало.

По всей стране ходили «Раковый корпус» или «В круге первом». Люди сидели и ночами перепечатывали книги на машинках, потом начали делать ксерокопии или распространять Тамиздат. Их сажали, как, например, Великанову или Ковалёва. Так что нельзя сказать, что явление бескорыстной помощи появилось лишь в наши дни.

А то, с чем я столкнулась в наши дни, – это, например, Анатолий Яковлевич Разумов, который буквально живёт в библиотеке и выпустил уже тринадцать томов «Ленинградского мартиролога», фактически создал мемориал на Левашовском кладбище, жизнь положил на всё это. И я думаю, ему многие помогают, даже не сомневаюсь, иначе бы он этого всего не вытянул. И так любое дело... Моя мама всегда цитировала Маршака: «Надо разложить костёр, а огонь упадёт с неба». Если появляется человек, который чем-то увлечён и делает что-то полезное, то людям это понятно, они к этому присоединяются. И я думаю, что это не в наши дни появилось, а было всегда.

Нас интересует феномен свободного действия. Откуда в человеке появляются силы перестать бояться и начать самоотверженно помогать другим?

Я бы начала со своего дедушки. Я часто об этом думаю. Корней Иванович был незаконнорожденным сыном не очень грамотной прачки, выгнанным из

гимназии. Но он тянулся к культуре, он стал изучать по самоучителю английский (он говорил всегда очень плохо, с неправильным произношением). Написал какую-то смешную работу об искусстве. Её напечатали, потом его послали в Лондон, он там учился. И он всегда был убеждённым сторонником самообразования. Василий Розанов называл его «деревянком человеком, который сам себя на верстаке сделал». Можно сказать и так, потому что он шёл абсолютно от нуля. И уже где-то к тридцати годам он был известным на всю Россию критиком. И дальше, меняя свои жанры, он очень много сделал в литературе. И всего этого он добивался сам. Скажем, увлёкся Оскаром Уайльдом, в 1916 г. в Англии познакомился с его другом Робертом Россом, был редактором первого полного собрания сочинений Уайльда в России (1912 г.), перевёл его сказки – потому что его это интересовало. А если его что-то не интересовало, то он этого и не знал. Он всегда очень удивлялся, что в институте мы учили какие-то предметы, которые потом выбрасывали из головы, а не шли своим путём, выбирая, что нам нужно узнать. Каждый человек, как известно, сам строит себя, круг своих интересов, свои поступки. И так было всегда, это нельзя отнести к нашему времени.



К.И. Чуковский

Нам-то всё кажется, что в России в XX веке настолько много людей поломали, настолько много цельных людей убили, что вот эта способность к самостоятельному, к свободному действию в людях очень сильно подорвана. Я таких людей, о которых Вы говорите, способных сознательно строить себя и создавать себя, среди своих знакомых по пальцам могу перечислить. Обычно все по течению плывут.

В нашем подъезде живёт Александр Михайлович Мессерер. Ему сейчас 97 лет. Недавно вышел его воспоминаний о жизни огромной семьи Мессереров, к которой относится и Плисецкая. Три брата: один погиб на войне от взрыва, один был арестован... Отца Плисецкой расстреляли, а мать с грудным ребёнком (Майиным младшим братом) арестовали и выслали. И в этой придавленности тех лет всё время шла жизнь нормальных людей, которые как-то в ней барахтались. Не все выживали, и не все помогли, конечно, – но этого было очень много. Я видела вокруг, и совсем не только на людях знаменитых, как старались вытаскивать

из тюрьмы, и куда-то поселить, и достать прописку, и реабилитировать, когда было можно. Конечно, когда хватало и стреляли в затылок, ничего сделать было нельзя... Но сказать, что тогда никто и никак не помогал, – совершенно неправильно. Я думаю, что просто мы то время ещё не представляем себе как следует.

То стремление помочь, которое Вы упоминали выше, было ведь порой связано с риском для жизни. Когда Вы помогали Солженицыну, Вы понимали, насколько это опасно?

Я втягивалась в это дело очень постепенно. Сначала предложила Александру Исаевичу что-то напечатать. Сидела у себя в комнате и что-то печатала на машинке – ничего от этого не происходило. Я считала, что ничего особенного мне и не грозит. И до тех пор, пока я занималась архивом Солженицына, перепечаткой, даже распространением рукописей, абсолютно никто мной никогда не интересовался.

Был очень поучительный для меня случай на моей работе. У меня была любимая аспирантка Надя из Костромы – очень талантливая, всё у неё прекрасно получалось, – и мы с ней ехали на какую-то конференцию. А в это время в журнале «Москва» опубликовали «Мастера и Маргариту», и вот она мне говорит: «Елена Цезаревна, оказывается, были писатели, которые писали, а их не печатали». И я подумала, что я очень далеко зашла в своей конспирации. Я ведь на работе никаких книг или рукописей никому не раздавала. У меня были на работе друзья, которые хранили запрещённые книжки в физических приборах: «Архипелаг» хранился в каком-то оптическом приборе – это всё было, но так, чтобы вообще направо-налево раздавать экземпляры – этого совершенно не было. У нас был огромный институт, очень насторожённый, пропускной. И я как раз никогда не была общественно-действующим лицом, ни на какие площадки не выходила.

После высылки Солженицына всех, кто был к нему близок, начали вызывать в КГБ: Надежду Григорьевну Левитскую, Сашу Горлова. Но меня не вызывали. А в декабре 1974 года, почти через год после высылки, Александру Исаевичу вручили Нобелевскую премию. Я пошла на телеграф и отправила ему поздравление, считая, что очень странно было бы не поздравить. И это, видимо, переполнило чашу терпения «органов», потому что на следующий день утром зазвонил телефон: «С Вами говорят из Комитета государственной безопасности. Мы Вас приглашаем приехать».

Некоторое время я с ними препиралась и начала раздражаться всё больше и больше. В какой-то момент, когда звонивший сказал: «Нет, я Вам всё-таки советую приехать», я ответила: «Я не скорою помощью и по телефонным вызовам не выезжаю», – и повесила трубку. Я ведь была совершенно не уверена в себе, я – не находчивый человек и не знаю, как бы я себя повела там у них.

После этого наступили нехорошие времена, потому что они звонили и всё время грозили. Потом они сказали, что схватят меня на улице. Помню, я шла на работу, а сзади шёл мой знакомый и меня окликнул. Я как заяц вздрогнула, а он говорит: «Ты что?» – «Меня обещали схватить на улице». – «Почему?» – «Я отказалась идти в Комитет государственной безопасности». Он сказал: «А разве можно отказываться?»

А мне всё звонили и говорили какую-то чушь: «звезда упадёт в полночь»; «эмиру передайте верблюдов»; «уберите из дома все апельсиновые корки, за вами



Е.Ц. Чуковская

придут»... Вот какие-то такие были разговоры.

Видимо, у них методика какая-то была своя. Абсурдистская. Что-то из Хармса.

Я думаю, что меня спасла, конечно, фамилия, потому что за мной был весь архив Корнея Ивановича, и, может быть, решили на такой большой скандал не идти. Других объяснений нет. Абсолютно всех остальных перетаскали.

Вот, например, девочек-учительниц, которые приехали к Александру Исаевичу поговорить и уехали в Ленинград... Они мне, кстати, недавно писали. Их всех тогда затаскали. Кого-то с работы выгнали. А они только один раз и виделись. Письмо ему написали по поводу «Ивана Денисовича...» Так что здесь были свои «двойные стандарты».

Вы говорили, что многие пошли в диссидентство не потому, что они хотели добиться каких-то прав и возможностей, а потому что они сталкивались с какой-то несправедливостью в том деле, за которое они чувствовали ответственность.

Конечно, большинство так и попало. Либо попадало, защищая какое-то своё бесспорное дело и при этом входя в контры с начальством. Вот как попал Горлов, например. Другие попадали просто за то, что кому-то посочувствовали, Сахарову, скажем, что-то выполнили по его просьбе, куда-то пошли. И человек уже получал «чёрную метку». Но это всё-таки был выбор. Люди всегда выбирают, как им себя чувствовать и как себя вести. Мне кажется, что каждый человек выбирает.

В этом смысле и у меня, и у мамы было особое положение, ведь выходили книжки Корнея Ивановича. Меня с работы не выгнали, то есть я получала зарплату. Мама получала пенсию. В каком-то смысле мы могли жить, как хотели. А Войнович, например, не мог жить, как хотел. Потому что как только он попал под запрет, запретили все его пьесы, все песни, все книги – и живи как хочешь. А у таких людей, как Алик Гинзбург*, ну и многих других, у них вся жизнь оказывалась под запретом.

Беседовала Юлия Балакшина

* Александр Гинзбург – один из руководителей Солженицынского фонда. Из фонда, который пополнялся из гонимых А.И. Солженицына, нелегально оказывалась помощь политзаключённым и их семьям. О судьбе руководителей Солженицынского фонда, которые один за другим оказывались в лагерях, читателям «Кифы» рассказывали в своём интервью Арина Гинзбург и Сергей Ходорович («Это было необыкновенное человеческое братство». КИФА № 4(19), апрель 2004 года. Режим доступа: <http://gazetakifa.ru/content/view/296/65/>).

О внутреннем человеке

Исполнилось 110 лет со дня рождения английского писателя Грэма Грина

Когда-то, ещё девочкой, я от скуки штудировала на даче подшивку журнала «Иностранная литература». Весь следующий год меня грело смутное воспоминание об одном из романов: словно всё освещалось лучиком солнца, стоило вспомнить о нём. Это было совершенно необъяснимо: ни в сюжете, ни в героях не было ничего особенного, объясняющего этот тихий свет. Однако стоило повторить название – «Свой человек в Гаване» – чтобы прикоснуться к чему-то очень ценному, чего не было в нашей пионерско-комсомольско-отличничьей жизни... Много лет спустя, уже придя в Церковь, я поняла, что это было: слово, сказанное глубоко верующим человеком, не может не нести в себе свет веры, даже если он не говорит о ней прямо.

Грэм Грин был писателем, журналистом и даже (в годы войны) разведчиком. Он написал двадцать пять романов; почти все они переведены на русский язык. Его несколько раз номинировали на Нобелевскую премию, но так ни разу её и не дали. (Шведский академик, поэт и романист Артур Лундквист заявил: «Этот детективный автор получит премию только через мой труп»; и он был не единственным недоброжелателем.) Нужно сказать, что и в католической церкви, в которую Грин сознательно вошёл уже взрослым, двадцатичетырёхлетним, не умолкали споры по поводу его произведений.

Далеко не всем было очевидно, что его романы, часто откровенно детективные по жанру, занимают своё место среди лучших миссионерских произведений двадцатого века. Герои Грина мало походили на любимых фундаменталистами лубочных персонажей, язвительно изображённых им в «Силе и славе»:

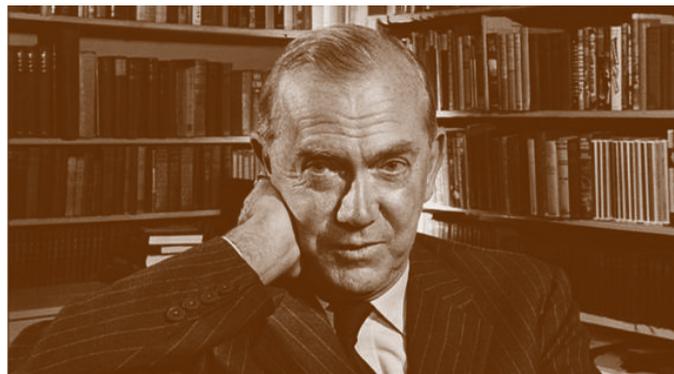
«В задней комнате Коммерческой академии женщина читала своим детям вслух. На краешке кровати сидели две маленькие девочки шести и десяти лет, а четырнадцатилетний мальчик стоял у стены с гримасой невыносимой скуки на лице.

– Юный Хуан, – читала мать, – с раннего детства отличался смирением и благочестием. Среди других мальчиков попадались и грубые и мстительные; юный Хуан следовал заповедям Господа нашего и обращал левую щеку ударившему его. Однажды его отец подумал, что Хуан солгал, и побил его. Потом он узнал, что сын говорил правду, и попросил у него прощения. Но Хуан сказал ему: «Милый отец, как Отец наш небесный властен подвергать наказанию, когда на то будет воля его...»

Мальчик нетерпеливо потёрся щекой о побелённую стену, а кроткий голос продолжал монотонное чтение. Обе девочки напряжённо смотрели на мать глазами-бусинками, упиваясь сладостной набожностью.

– Не надо думать, будто юный Хуан не любил посмеяться и поиграть, как играют другие дети, хотя случалось, что, взяв священную книгу с картинками, он прятался в отцовском коровнике от весёлой гурьбы своих товарищей».

Мальчик раздавил босой ногой жука и мрачно подумал, что всему приходит конец – когда-нибудь они доберутся до последней главы и юный Хуан умрёт под пулями у стены, крича: «Viva el Cristo Rey!» Но потом, наверно, будет другая книжка: их каждый месяц провозят контрабандой из Мексики. Если бы только таможенники знали, где смотреть!»



«Сила и слава» – роман о священномученике. Кому-то это может показаться удивительным, но в двадцатом веке людей убивали за веру не только в нашей стране. Грин описал Мексику – такой, какой он увидел её в конце 1930-х годов. Хорошо узнаваемые ободранные бараки, почти беспризорные дети, нищие деревушки. И пытающийся уйти от преследования и при этом остаться доступным для истосковавшихся по таинствам людей священник. Герой, совсем не похожий на героическую картинку. «Пьющий падре»...

Нужно сказать, что «Силу и славу», может быть, из-за того, что тема нам так близка, читали очень многие. Другие романы Грина известны гораздо меньше, даже активно печатавшийся у нас в советские годы «Тихий американец» (видимо, издателей подкупало изображение наивной уверенности вполне хороших и милых американских юношей в своём праве вмешиваться в дела других стран (в романе шла речь о Вьетнаме) и проливать кровь местных жителей ради сомнительных идеалов; вот только они, похоже, не замечали, что герой, английский журналист, решивший пресечь эту разрушительную активность, втихую сдав «тихого американца» убившим его вьетконговцам, терпит нравственный крах, ведь злом никогда нельзя остановить зло...) Не очень «на слуху» и самый «миссионерский» роман Грина – «Конец одного романа», рассказ о том, что такое борьба с Богом, и о том, как грешники становятся святыми...

Вообще герои романов Грина – почти всегда грешники, если даже они начинают как праведники, уставшие от своей поверхностной праведности. Иногда кажется, что автор, так постоянно апеллирующий к максиме «мытари и блудницы вперёд вас идут в Царство Божие...» приучает этим читателя к мысли о «дешёвой милости», против которой так яростно выступал в своё время Бонхёффер. Но это не так: герои Грина не только видят свой грех, они мучаются сознанием своей греховности. Героиня «Конец одного романа», изменяющая мужу, с горечью называет себя «шлюшкой»; герой «Сути дела», решившийся на самоубийство, не сомневается, что окажется в аду. Они не ищут оправдания своему греху. Но при этом в своих отношениях с Богом они ищут и не самоутверждения в лукавой фарисейской «праведности». Они ищут Его любви и своей любви к Нему, и почти всегда находят её, иногда в последнее мгновение жизни...

Александра Колымагина

Если хочешь быть человеком, надо испить чашу до дна

Фрагмент из романа Грэма Грина «The heart of the matter» («Суть дела»)

Вечером они снова собрались у окружного комиссара, но настроение у всех было подавленное; даже Перро уже больше не пыжился.

– Ну вот, завтра я укачу, – сказал Дрюс. – Вы тоже, Скоби?

– Вероятно.

– Вам все удалось выяснить? – спросила миссис Перро.

– Все, что нужно. Главный механик просто золото. Он запомнил все подробности. Я едва успевал записывать. Как только он кончил, он потерял сознание. Парня только и поддерживала его «ответственность». Знаете, ведь они добирались сюда пешком целых пять дней, те, кто мог ходить.

– Они плыли без конвоя? – спросил Уилсон.

– Они вышли с караваном судов, но у них что-то случилось с машиной, а вы знаете неписанный закон наших дней: горе отстающим. Они отстали от конвоя на двенадцать часов и пытались его нагнать, но их торпедировали. После этого подводная лодка поднялась на поверхность и командир дал им направление. Он сказал, что взял бы их на буксир, если бы за ним самим не охотился морской патруль. Как видите, в этой истории трудно найти виноватого. – И перед глазами Скоби сразу возник конец «этой истории»: ребенок с открытым ртом, худенькие руки, сжимающие альбом для марок. – Может, доктор заглянет сюда, когда у него будет свободная минута? – спросил он.

Ему не сиделось на месте, и он вышел на веранду, тщательно прикрыв за собой дверь и опустив сетку... По ступенькам веранды поднялся врач.

– А-а, Скоби, – произнес он голосом таким же усталым, как его плечи. – Вышли подышать ночным воздухом? В здешних местах это не очень-то рекомендуется.

– Как они? – спросил Скоби.

– Я думаю, будет еще только два смертельных исхода. Может быть, один.

– А как девочка?

– Не доживет до утра, – отрывисто произнес врач.

– Она в сознании?

– Не совсем. Иногда зовет отца: наверно, ей кажется, будто она все еще в шлюпке. От нее скрывали правду, говорили, что родители в другой лодке. Сами-то они знали, кто погиб, – у них была между лодками сигнализация.

– А вас она не принимает за отца?

– Нет, борода мешает.

– Как «ходячие»?

– Они выживут.

– А мальчик и старуха?

– Тоже.

– Чей это мальчик?

– Учился в Англии. В начальной

школе. Родители – в Южной Африке, они думали, что с ними он будет в безопасности...

У дома для приезжих он остановился. В окнах горел свет, создавая удивительное ощущение покоя, если, конечно, не знать, что происходит внутри; вот так и звезды в эту ясную ночь создавали ощущение полнейшей отрешенности, безмятежности и свободы. Если бы мы все знали досконально, подумал он, мы бы, верно, испытывали жалость даже к планетам. Если дойти до того, что зовут самую суть дела...

– Это вы, майор Скоби? – Его окликнула жена миссионера. Она была в белом, словно сиделка, ее волосы чугунно-серого цвета были зачесаны назад уступами, как выветрившиеся холмы. – Пришли полюбопытствовать? – вызывающе спросила она.

– Да, – сказал он.

Он не нашелся, что ответить: не мог же он описать миссис Боулс свою тревогу, навязчивые мысли, отчаянное чувство бессилия, ответственности и сострадания.

– Войдите, – сказала миссис Боулс, и он последовал за ней послушно, как ребенок.

В доме было три комнаты. В первой поместили ходячих больных; приняв большие дозы снотворного, они мирно спали, как после хорошей прогулки. Во второй комнате лежали те, кто подавал надежду на благополучный исход. В третьей, совсем маленькой, стояло только две койки, разделенные ширмой: тут были шестилетняя девочка с потрепавшимися губами и молодая женщина – она лежала на спине без сознания, все еще судорожно сжимая альбом для марок. В блюдце стояла свеча, она отбрасывала слабую тень на пол между кроватями.

– Если хотите помочь, – сказала миссис Боулс, – побудьте тут немножко. Мне надо сходить в аптеку.

– В аптеку?

– Она же кухня. Приходится приспособиваться.

Скоби стало зябко и как-то не по себе. По спине пробежали мурашки.

– А я не могу пойти вместо вас? – спросил он.

– Вы шутите! – сказала миссис Боулс. – Разве вы умеете готовить лекарства? Я уйду всего на несколько минут. Позовите меня, если у ребенка начнется агония.

Если бы она дала ему опомниться, он придумал бы какую-нибудь отговорку, но она тут же ушла, и он тяжело опустился на стул. Взглянув на девочку, он увидел у нее на голове белое покрывало для первого причастия: это была игра

тень на подушке и игра его воображения. Он отвел глаза и опустил голову на руки. Он был тогда в Африке и не видел, как умер его ребенок. Он всегда благодарил Бога за то, что избежал этого испытания. Но, кажется, в жизни ничего не удается избежать. Если хочешь быть человеком, надо испить чашу до дна.

Пусть сегодня она тебя миновала, – завтра ты сам трусливо ее избежал – все равно, тебе непременно поднесут ее в третий раз. И он помолился, все еще закрывая ладонями лицо: «Боже, не дай ничему случиться, пока не придет миссис Боулс. Он слышал дыхание ребенка, тяжелое, неровное, словно тот нес в гору непосильную ношу; мучительно было сознавать, что ты не можешь снять с него это бремя. Он подумал все, у кого есть дети, обречены чувствовать такие муки непрерывно, а я не могу вынести их даже несколько минут. Родители ежечасно дрожат за жизнь своих детей. «Защити ее, Отче. Ниспошли ей покой». Дыхание прервалось, стихло и опять возобновилось с мучительным усилием. Между пальцами ему было видно, как лицо ребенка искажается от натуги, словно лицо грузчика. «Отче, ниспошли ей покой, – молил он. – Лиши меня покоя навеки, но ей даруй покой». На ладонях у него выступил пот.

– Папа...

Он услышал, как слабый, прерывающийся голосок повторил «папа», и, отведя руки, встретил взгляд голубых воспаленных глаз. Он с ужасом подумал: вот оно, то, чего я, казалось, избежал. Он хотел позвать миссис Боулс, но у него отнялся язык. Грудь ребенка вздымалась, лоя воздух, чтобы повторить короткое слово «папа». Он нагнулся над кроватью и сказал:

– Да, детка. Помолчи, я здесь, с тобой.

Свеча отбросила на одеяло тень его сжатого кулака, и та привлекла взгляд девочки. Ей стало смешно, но она только скорчилась и не смогла рассмеяться. Скоби поспешно убрал руку.

– Спи, детка, – сказал он, – тебе ведь хочется спать. Спи. – В памяти возникло воспоминание, которое он, казалось, глубоко похоронил; Скоби вынул носовой платок, свернул его, и на подушку упала тень зайчика. – Вот тебе зайчик, он заснет с тобой. Он побудет с тобой, пока ты спишь. Спи. – Пот градом катился у него по лицу и оставял во рту вкус соли, вкус слез. – Спи.

Заяц шевелил и шевелил ушами: вверх – вниз, вверх – вниз.

Вдруг Скоби услышал за спиной негромкий голос миссис Боулс.

– Перестаньте, – отрывисто сказала она. – Ребенок умер.

Ночное светило

К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова



«Пушкин – дневное, Лермонтов – ночное светило русской поэзии. Вся она между ними колеблется, как между двумя полюсами – созерцанием и действием».
(Д.С. Мережковский)

Михаил Юрьевич Лермонтов – поэт трагической судьбы, не только в силу житейских обстоятельств и преждевременной гибели (катастрофически повторяющей безвременную кончину Пушкина), но и в силу радикальных противоречий его личности и творчества.

В сочинениях и жизни поэта критики порою усматривали преимущественно «страшную напряжённость и сосредоточенность мысли на себе», пустынную и эгоистичную, демоническую гордыню. От мэтров русской литературы и философии звучали упреки в неисполнении Лермонтовым своего призвания. Отмечали, что божественно гениальный поэтический дар, обладающий провиденциальной интуицией и способный открыть новые пути человечеству, не только не получил должного развития, но был растрачен попусту; воспевал и идеализировал демонизм, облекая в красивые формы ложные мысли и чувства, делал их привлекательными для неопытной души читателя...

В нынешнее время в обывательском сознании периодически возникает новая предельно заниженная тональность высказываний по отношению к творчеству великого поэта. Вот анекдотически неправдоподобная, но реальная реплика с экрана местного ТВ: «Нужен ли горожанам памятник Лермонтову? Он здесь почти не бывал, только проездом. Актуальнее поставить памятник тельцу – всё-таки символ власти и богатства, непонятно почему кто-то против этого».

Преддверие замечательной даты –

200-летия со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова (2 октября по старому стилю, 15-е – по новому) – хороший повод совершить усилие понимания, в том числе и обратившись к трудам некоторых выдающихся исследователей-эссеистов, поэтов, сумевших, на наш взгляд, приоткрыть в какой-то мере тайну его личности, жизни и творчества.

Мы не можем забыть, что молодой гусарский офицер Михаил Лермонтов – единственный, кто ответил на смерть Пушкина. В какой-то мере этот поступок по своему ненарочитому мужеству и действенности слова напоминает трагическую историю, которая произойдёт почти сто лет спустя, когда Осип Манделштам напишет «Мы живём под собою не чуя страны...»

Лидия Корнеевна Чуковская в своих воспоминаниях об Анне Ахматовой описывает такой эпизод. В ответ на прозвучавшую цитату из книги Герцена «Былое и думы», где он говорит о сходстве итальянского романтического поэта Джакомо Леопарди с Лермонтовым, Анна Андреевна заметила: «Вряд ли кто-нибудь на этой планете может напоминать Лермонтова».

В то же время невозможно не видеть две явные противоположные тенденции в личности и творчестве Лермонтова. Первая, обозначающаяся уже в ранних стихах, – богоборческая, в которой можно разглядеть разновидность модного тогда байронизма. Но если бунт Байрона – бунт именно против общества, уводящий его в добровольное изгнание и к очагам освободительных движений, то бунт Лермонтова имеет иную природу. Лермонтов – мистик по существу. И его Демон – не литературный приём, не средство эпатировать аристократию или буржуазию, а попытка выразить некий глубочайший опыт души. Быть может, самое тяжёлое, «роковое» в судьбе Лермонтова – не окончательное торжество зла над добром (которое видели в его творчестве Вл. Соловьёв и Достоевский), а «бесконечное раздвоение, колебание воли, смешение добра и зла, света и тьмы» (которое видел Мережковский).

*Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь – ни мрак, ни свет!..*

Богоборческая тенденция проявлялась у Лермонтова не только в слове мистического опыта, но и в слове интеллектуальном (холодный и горький скепсис, скорбные, разъедающие пессимистические раздумья), и в слове повседневной жизни (кутежи и брётёрство, юношеский разврат и военное удалество, вызывающе провоцирующее поведение).

Вторая тенденция личности и жизни поэта была предельно полярной. Это была другая реальность, просвечивающая сквозь зримую всеми и выраженная в стихах небывалой поэтической музыкальности и глубокой светлой веры: «В полночный час в долине Дагестана...», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Ветка Палестины», картины природы в «Мцыри», «Демоне» и многих других.

«Кто привык представлять себе Лермонтова “байронёнком” или замороженным демоном, – писал Георгий Адамович, – пусть вспомнит “Люблю отчизну я...”» Он считал, что эпатирующее поведение Лермонтова, его вызов «отмщения Творцу» по большей части был неким тактическим приёмом. Он носил маску и хотел казаться не тем, кем был. На самом деле Лермонтов искал иного применения и иного выражения своим силам.

Д.С. Мережковский приводит в своей статье о Лермонтове подтверждающие биографические эпизоды: «До какой степени “пошлость” его – только болезненный выверт, безумный надъём, видно из того, с какою лёгкостью он сбрасывает её, когда хочет. В детстве он напускался на бабушку, когда она бранила крепостных, выходил из себя, когда вели кого-нибудь наказывать, и бросался на отдавших приказание с палкою, с ножом, – что под руку попало. Однажды в Пятигорске, незадолго до смерти, обидел неосторожным словом жену какого-то маленького чиновника и потом бегал к ней, извинялся перед мужем, так что эти люди не только простили его, но и полюбили, как родного».

Между двумя противоположными тенденциями шла внутренняя напряжённая борьба. «В нём жили два человека», – свидетельствует близко знавший Лермонтова человек. Вся жизнь поэта была наполнена мучительными поисками: к чему приложить разрывающую его внутреннюю силу. Его бунт можно назвать не эмпирическим, а метафизическим. Он нёс в себе черты религиозной святости, несмирения, возможно, ведущего в перспективе к более глубокому и подлинному смирению.

Путь Лермонтова и его творчество можно охарактеризовать как драматичный опыт поиска подлинности жизни, её правды и глубины. Поэтому несомненно ни на что в нём есть место и странства, где перед нами открываются гениальные пророческие откровения о Боге, мире и человеке.

Нина-Инна Ткаченко
По материалам статей
В.С. Соловьёва, Д.С. Мережковского,
Г.В. Адамовича, Д.Л. Андреева

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного листка;

Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, –

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, –
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога!

Ангел

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Сон

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая ещё дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их жёлтые вершины
И жгло меня – но спал я мёртвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жён, увенчанных цветами,
Шёл разговор весёлый обо мне.

Но, в разговор весёлый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа её младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

«Житие Чевалкова»

Национальная библиотека Республики Алтай носит имя Михаила Чевалкова – просветителя, переводчика, первого человека, создавшего литературное произведение на алтайском языке. Михаил Васильевич был священником и почти всю свою жизнь посвятил работе в Алтайской духовной миссии, а главное его произведение – «Чоболкоптин Дьуруми» («Житие Чевалкова») – посвящено в том числе миссионерской деятельности преподобного Макария (Глухарева). Книга была издана в Томске в русском переводе под названием «Памятное завещание» 120 лет назад – в 1894 году.

Вера и грамота

Горноалтайск – город с более чем пятьюдесятью тысячами жителей – пожалуй, ничем не напоминает небольшое поселение телеутов, в котором проходило детство родившегося в 1817 году алтайского писателя и просветителя. Подружившись с детьми единственной в этом ауле русской семьи, он выучил русский язык.

Родитель юноши был настроен против христианских миссионеров, но Михаил, крестившись, привел к вере всю семью, и уже младший его брат Адриан вскоре стал учеником в школе, организованной миссией. Впрочем, Михаилу как старшему из детей учиться отец не разрешал – кто-то должен был помогать обеспечивать семью. Грамоте Михаил Чевалков научился самостоятельно, по книгам брата.

Жажду знаний способного юноши заметил основатель Алтайской духовной миссии преподобный Макарий (Глухарев), который помог ему продолжить образование в миссии, а затем привлек к переводческим трудам.

Создав на основе кириллицы алтайскую азбуку, архимандрит Макарий положил начало письменности местных народов. Переводы православных книг послужили и формированию алтайского литературного языка, что, в свою очередь, стало одним из важнейших факторов объединения разрозненных тюркских народностей на Алтае.

Огромную помощь в переводческих трудах преподобному Макарию (Глухареву), как и одному из его преемников – иеромонаху, а впоследствии митрополиту Московскому Макарию (Невскому) – оказал Михаил Чевалков.

«Второй Макарий», как звали будущего архипастыря алтайцы, не только переводил, но и организовал печатание в Санкт-Петербурге книг на алтайском языке для новокрещенного народа. В книге митрополита Нестора (Анисимова) рассказывается, что он «чудесно усвоил алтайский язык: в семье толмача Чевалкова к нему привязались все... и как дивился сам Чевалков и его семья тому, что скоро научился он понимать язык их родины».

Михаил Чевалков на протяжении

45 лет значился на должности толмача, затем переводчика церковной литературы. В 1901 году он преставился и был похоронен у алтаря местного храма.

У истоков алтайской литературы

Очень значителен вклад священника в исследование наречий и традиций народностей, населявших Горный Алтай. Еще будучи переводчиком миссии, он не раз участвовал в научных экспедициях, собирал фольклорные памятники, помогал исследователям в переводе и анализе собранных данных.

По совету одного из таких ученых, академика Василия Радлова, с которым Михаила Чевалкова связывала настоящая дружба, он написал «Чоболкоптин Дьуруми», то есть «Житие Чевалкова», а в русском переводе – «Памятное завещание». С одной стороны, это автобиографическая повесть: писатель вспоминает о своем детстве, о том, как он вместе с семьей занимался бортничеством и иными промыслами, как учился грамоте, как пришел к вере, с другой стороны, это мемуары с элементами патерика и житийной литературы: в книге, например, содержатся драгоценные воспоминания о преподобном Макарии (Глухареве), его поучениях. Кроме того, в этом произведении можно увидеть хронику миссионерского служения, бытовые зарисовки, рассказы о том, как порой приходилось терпеть непонимание и притеснения от тех, кто оставался в язычестве. А заключительная часть – «Детям моим-наследникам» – отсылает нас к таким произведениям древнерусской литературы как «Поучение» Владимира Мономаха.

«Глаза есть – смотри и учись, руки есть – трудом живи», – с такими наставлениями обращается отец Михаил к своим детям. Подобные простые на первый взгляд, но очень глубокие поучения содержатся и в других произведениях отца Михаила, например, переводах и перделках басен, в которых он акцентировал внимание читателей на пороках, которые особо тяжело было искоренять в народе (например, в перделке знаменитой басни «Стрекоза и муравей» стрекоза – не только бездельница, но и пьяница).

Протоиерей Михаил Чевалков стоит и у истоков алтайской поэзии. Сборник его стихов под названием «Поучительные статьи в стихах на алтайском языке» – это именно алтайская поэзия с самостоятельными законами стихосложения, не являющимися отражением русских поэтических образцов, с отсылками к местному эпосу. Назидательные повествования Михаила Чевалкова были очень популярны среди алтайцев.

Наталья Александрова
Приходы.гу